

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Литературный альманах

НОВОСИБИРСК
2024

ББК 84Р7я54
Л642

Автор идеи проекта И. С. Геллер,
канд. пед. наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ,
почётный работник высшего профессионального образования,
заслуженный работник НГТУ

Составители:
И. В. Борисенко, Н. Д. Горшкова

Ответственный редактор *Н. Д. Горшкова*

Л642 **Литературный альманах:** поэзия, проза / сост.: И. В. Борисенко, Н. Д. Горшкова; отв. ред. Н. Д. Горшкова. – Вып. 28. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2024. – 194 с.

ISBN 978-5-7782-5181-6

Двадцать восьмой выпуск «Литературного альманаха» составлен из поэтических и прозаических произведений лицеистов, студентов, преподавателей, сотрудников и выпускников Новосибирского государственного технического университета (НЭТИ).

В оформлении сборника использованы личные иллюстрации авторов, а также иллюстративный материал из открытых источников сети Интернет. На первой странице обложки – рисунок Г. П. Шкуррина.

ББК 84Р7я54

ISBN 978-5-7782-5181-6

© Новосибирский государственный
технический университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Благопристойные мужья для умных жён необходимы...»	4
Поэзия, проза	13
В. Гончарова.....	14
Н. Горшкова.....	15
А. Гридчин.....	22
Е. Итэсь	29
Е. Малькова	32
Е. Медведева	35
В. Мурсков.....	39
Д. Орехов.....	43
А. Пяткин	45
У. Рамхина.....	48
А. Решетникова.....	50
О. Рудий.....	54
Е. Скворцова	57
В. Солдатов.....	94
С. Тимченко	103
А. Чехонадских	108
Д. Чудиков	117
У нас в гостях	119
О. Васюков.....	121
Женя Ео	131
О. Желамская.....	139
В. Михальцов	153
Г. Шкурин	154
Литературное объединение Инженерного лицея НГТУ	
«Ликующая муза»	163
Дорогин Егор	163
Пешков Алексей	165
Чубченко Варвара	167
Наша галерея	169

2024 год – Год семьи
(Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г.)

**«БЛАГОПРИСТОЙНЫЕ МУЖЬЯ
ДЛЯ УМНЫХ ЖЁН НЕОБХОДИМЫ...» ***

*Добро по миру не рекой течёт,
а семьёй живёт.*

Русская пословица

*Кто мать и отца почитает,
тот вовеки не погибает.*

Татарская пословица

*Не броди по свету,
Не пиши стихов,
Не тащи сюжеты
Под родимый кров.
Не кричи напрасно
О вселенском зле,
Лучше думу думай
О родной семье.
В суете извечной,
В марафоне дней,
Нет её сердечней,
Нет её милей.*

Владимир Бондаренко

Тема семьи – вечная тема нашей литературы. Она прозвучала в творениях А. Пушкина («Евгений Онегин»), М. Салтыкова-Щедрина («Господа Головлёвы»), С. Аксакова («Детские годы Багрова-внука») и во многих других. У разных писателей рассуждения о семье звучат по-разному,

* Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Родзянке».

так как семьи, изображённые ими, или, вернее, выходцы из этих семей, тоже разные. Большое значение придавал семье Л. Толстой. В его романе «Война и мир» не просто прослеживается «мысль семейная», а задаётся вопрос, почему о семействе Курагиных с великой неприязнью говорится: «О подлая, бессердечная порода!», а о представителях семьи Ростовых – с восхищением: «Есть в вас всех что-то Ростовское!»!

Не обошла семейная тема и литературу советского периода. Революция и Гражданская война, по словам М. Шолохова, поделила народ на «две враждебные полосы». В его «Донских рассказах» то дети убивают родителей на почве классовой вражды, то наоборот. В произведении К. Тренёва «Любовь Яровая» жена отдаёт мужа в руки врагов. В трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» отец предаёт своих дочерей. Чудовищно! А ведь много веков русские, наши предки, жили по заповеди апостола Павла: «Кто о своих домашних не печётся, тот отрётся от веры хуже язычника».

В более поздней литературе советского времени, с одной стороны, показывается крепость трудовых семей, рабочих династий (В. Кочетов «Журбины», «Братья Ершовы»), с другой – идёт навязывание не теплоты родного гнезда, а романтики перемещений, бесконечных переездов, что поддерживается словами песни «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». И только потом приходит сознание, что надо собраться «под крышу дома своего».

Проблемам семьи посвящён роман Виктора Астафьева «Печальный детектив»*. Главный герой Леонид Сошнин, едва не потерявший семью (не по его вине) и вновь её обретший, долгой зимней ночью думает о вечной загадке отношений жены и мужа, вечной тайне любви: «Не самец и не самка... а человек с человеком, соединённые для того, чтобы помочь друг другу и обществу, в котором они живут, усовершенствоваться, из сердца в сердце перелить кровь свою и вместе с кровью всё, что в них есть хорошее... Плутавшие по земле, среди множества себе подобных, он и она объединились по случаю судьбы и всемогущему закону жизни... чтобы стать родней родни... испытать родительскую долю, продолжая себя, пройти вместе до могилы...» Экая великая загадка!

* Астафьев В. Печальный детектив: роман. М.: Современник, 1986.

И далее у Астафьева: «Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья, если он и она блудили, не находя друг друга. Династии, общества, империи, не создававшие семьи или нарушившие её устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях... вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолевать добро, земля разверзалась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований именуемый себя людьми».

По мнению Сошникова, опора всего – семья: есть благополучие в семье, будет благополучие и в государстве. Но кто обеспечит благополучие в семье, если не мы сами, каждый из нас?

Особую боль в душе вызывает участь детей в неблагополучных семьях. В «Печальном детективе» мы становимся свидетелями горестной судьбы девочки: «Юлькина мать... стала ежегодно кататься на курорты, с мужем и без мужа, и однажды с курорта не вернулась, говорили, что утонула в Чёрном море». Отец Юльки, Игорь Адамович, долго не горевал. Викторина Мироновна Царицына, учительница вечерней школы, где он учился, «быстренько помогла ученику с образованием семьи и по части всякой иной грамоты».

Игорь Адамович скоро позабыл номер старого дома, и осталась Юлька при родителях сиротой на руках бабки Тутышихи, которая материла внучку за отставание в учёбе, гонялась за ней с полотенцем, если та не слушалась её. Отец и новая жена путешествовали по стране, катались вокруг Европы, отдыхали в санаториях – жили в своё удовольствие, иногда привозя Юльке подарки. Шестнадцатилетняя Юлька тем временем «добивала себя с кавалерами».

В статье, посвящённой роману «Печальный детектив», критик Анатолий Ланшиков пишет: «Нам хорошо известно, как много губительной энергии выделяется при расщеплении атома... При расщеплении семьи тоже выделяется громадное количество дурной энергии, которая сходна по своему действию с радиацией в непредсказуемости последствий. Саморазложение семьи ведёт к истончанию и полному отмиранию человеческих связей, без них каждый в каждом станет видеть лишь врага... человечество превратится в дикую массу, где каждый найдёт свою неотвратимую гибель».

Людей, превратившихся в «дикую массу», показал Чингиз Айтматов в романе «Плаха». Нельзя без ужаса читать, как пятеро мужчин решили наказать Авдия Каллистратова, своего компаньона по охоте на сайгаков, за то, что он стал требовать, чтобы они немедленно прекратили эту бойню, и призывал озверевших охотников покаяться, обратиться к Богу и молить прощения за то зло, которое они, люди, причинили природе. Он хотел обратиться к Богу тех, кто прибыл сюда за длинным рублём... Хотел остановить колоссальную машину истребления, разогнавшуюся на просторах моюнкумской саванны.

После унижительных оскорблений, жестокого избияния пятеро пьяных парней решили «распять» его на корявом саксауле, а под ногами развести костерок: «Всё произошло мгновенно, поскольку Авдий уже не мог сопротивляться. Привязанный к дереву, прикрученный верёвками по рукам и ногам, он повис, как освежёванная шкура, вывешенная для просушки...

– Так будет со всяким – зарубите это на носу! – говорил Обер-Кандалов, окидывая взглядом прикрученного к саксаулу Авдия. – Я бы каждого, кто не с нами, вздёрнул, да так, чтобы сразу язык набок. Всех бы перевешал, всех, кто против нас, и одной вереницей весь земной шар, как обручем, обхватил, и тогда б уж никто ни единому слову нашему не воспротивился, и все ходили бы по струнке...»

Кто же они, эти нелюди? Из шестерых только водитель вездехода Кепа был человек семейный, хотя по духу очень близкий остальным. Это были люди бездомные, перекаати-поле, кроме Кепы. У троих из них ушли жёны, все они в той или иной степени были неудачниками, а следовательно, были озлоблены на мир. У них не было ничего святого. Ничем они не дорожили, ничего не хранили. И души их были пусты.

Невозможно представить членами благополучных семей и тех гонцов за анашой, с которыми свела судьба Авдия и от рук которых он едва не погиб. На ходу поезда Авдий вытряхнул из своего рюкзака заготовленную коноплю и предложил гонцам сделать то же самое, так как одурманенные лёгкой наживой, они везли «пагубу, чуму, отраву для людей». Накурившиеся анаши гонцы разъярились и бросились на Авдия, как бешеные собаки, жестоко избивали его и выбросили на ходу из товарного вагона, в котором ехали.

Что же может остановить таких людей? Они ничего не признают, кроме денег, и не хотят ничего, кроме денег. Они ни перед чем не испытывают страха, ни к чему не привязаны, ничем не дорожат. Низменные, животные инстинкты руководят ими. Но животные ли это инстинкты?

Через весь роман «Плаха» главными «действующими лицами» проходят волки – Акбара и Ташчайнар. Они жестоко пострадали от людей, потеряли не один выводок волчат, уничтоженных людьми, – самое дорогое для них.

Эта красивая волчья семейная пара как бы противопоставлена людям, живущим, как мы привыкли говорить, по волчьим законам. Сильные, мудрые, воспитанные природой волки знают, в чём красота жизни, они знают, чем дорожат, они имеют память. Они могут любить, ненавидеть и страдать. Гордится своей Акбарой Ташчайнар, и любит своих детёнышей Акбара. Такова природа семьи, и писатель показал модель волчьей семьи как пример для нас – людей.

После того как из логова человеком были похищены волчата, Акбара не находит себе места: «Однажды ночью ей снилось, что волчата у неё под боком, в логове. Они неуклюже копошились, прильнув к сосцам. Ах, как давно ей хотелось отдать им молоко! И так жадно сосали щенята... и так сладостно растекалось по телу волчицы томительное ощущение материнской неги... Все четверо детёнышей тут, рядом, под боком, вот они...»

А потом снилось Акбаре, будто она не бежит, а летит, не касаясь земли, снова в Моюнкумах, в великой саванне, и рядом с ней четверо волчат, и они тоже не бегут, а летят, и с ними отец, Ташчайнар, несущийся огромными прыжками. Солнце ярко светит над землёй, и прохладный воздух течёт, струится, как сама жизнь...»

Серьёзный повод подумать о том, как нам, людям, строить свою, человеческую жизнь, чтобы она была не хуже волчьей.

Горькую историю советского семьянина, рыжего здорового русского мужика Спиридона Егорова рассказывает А. Солженицын в романе «В круге первом». «Хорошо жениться – полжизни», – всегда говорил Спиридон. Марфа Устиновна была главным счастьем и главным успехом его жизни. Из-за неё он не пил, сторонился пустых сборищ. Она приносила ему детей – кажегодков, двух сыновей, потом дочь».

Когда же немцы угоняли его семью в Германию, он покинул партизанский отряд и добровольно сопровождал семью на чужбину, потому что знал, как трудно будет жене и детям без него. Кажется, какой предосудительный поступок с точки зрения общепринятой морали! «Если бы в войну все так делали, то...» Товарищ по нарам Нержин сказал Спиридону: «Что ж за чудо получается, Спиридон Данилыч? Как мне это всё в голову уместить? Ты ж на Кронштадт по льду шёл, ты с нами советскую власть устанавливал...» «Сеem рожь, а вырастает лебеда», – таков был ответ Егорова. За этими словами скрывается неверие Спиридона в государство, которое не только не заботится о людях и их семьях, но и разрушает их.

Спиридон побывал и в «интенсивниках», и в «комиссарах по раскулачиванию», и на «заводской красной доске» почёта, и в партизанах и понял, что, несмотря на все его заслуги, никто, кроме него самого, не позаботится о его семье: «Мог, конечно... в лес отбиться, и отбивался раз, да встреча лихая вышла с бандитами, еле спас от них дочь... А потом уж стал думать, что наши мне не поверят».

Не мог он доверить семью такому государству. Не мог. И оказался в Германии. «Под Майнцем его с мальчиками определили на завод, а жену с дочкой поставили работницами к бауэрам». «На грош не верил» Спиридон листовкам, сулящим блага вернувшимся на родину, но дети рвались в Россию, и он подумал: «Меня посадят – дети нехай живут».

На пограничной станции мужчин и женщин сразу же разделили. С болью описывает А. Солженицын дальнейшую судьбу семьи Спиридона Егорова: «Семья Егоровых всю войну продержалась вместе, а теперь развалилась... Жену с дочерью безо всякого суда сослали в Пермскую область, где дочь теперь работала в лесхозе на бензопиле. Спиридон же с младшим сыном попал в соликамский лагерь и хоть там поповал его ещё два года. А другого сына зашвырнули на Колыму».

Не мог осудить Нержин своего собеседника, представив себе «непродёрный пермский лес, пулемётную стрельбу бензопил, отвратительный рёв тракторов... обозлённых чёрных трактористов, разучившихся отличать мат от простого слова, а среди них девушку в спецовке, брюках... Она спит с ними у костров; никто, проходя, не упускает возможности её облапать». Нержин даже не пытается утешать Спиридона,

а автор начинает говорить о нём высоким стилем: «Что любил Спиридон – это была земля. Что было у Спиридона – это была семья. Его родиной была – семья. Его религией была – семья».

Это же настоящий гимн Семье и Семьянину! Всем бы нашим современникам такую религию!

Поэт К. Ваншенкин в стихотворении «Семья» утверждает, что каждая семья от Бога:

У каждой семьи
Законы свои,
Наивный секрет,
Невинный запрет.

У каждой семьи
Есть жизни слои:
Громовый раскат,
Вершина и спад.

Так свыше дано,
И ясно одно:
Любая семья –
Лишь Бог ей судья.

Выдающийся советский писатель Ф. Искандер считал, что каждый человек в обществе – представитель своей семьи, а за границей – посланец своей страны.

Роман Нины Фёдоровой «Семья» знакомит читателя с историей одной семьи, члены которой вынужденно оказались за границей:

«Семья эта была русская, когда-то, в прошлом, большая, богатая, знатная. Пройдя через войну и революцию, перенесла преследование, нищету, болезни и голод, пережив пожар, испытал землетрясение, семья потеряла одних своих членов, породила новых... Для каждого члена семьи одна и та же жизнь среди одних и тех же лишений принимала различный характер. Для Бабушки жизнь была уже разрешённой религиозно-философской проблемой; для Матери она была непрерывной арифметической хозяйственной задачей; для Пети жизнь обернулась в трагедию постоянно уязвляемой гордости; для Лиды она наполнялась

Рисунок Чербаковой А.

лирическими взлётами надежд и мечтаний; для Димы она обернулась забавой. Возможно, что различное отношение к жизни зависело от разницы в возрасте и практическом опыте.

Членам семьи было от восьми до семидесяти. Что же касается опыта, то измерить его трудно за отсутствием общего масштаба. И всё же Семью никак нельзя было назвать несчастной. Таких семей на свете много. Они просыпаются утром с вопросом “быть или не быть?” и ответить на него могут лишь вечером, когда день уже прошёл, а они – живы, снова все вместе вокруг стола. Поевши, они начинают мечтать о лучшем будущем. Будущее тоже у всех оказалось разным, но каждый выходец из этой семьи всегда с благодарностью вспоминал о том времени, когда Семья была единым целым, потому что, вопреки всем различиям в расе и в вере, вопреки разным течениям нашей истории и нашей жизни, вопреки всему, что заставит нас бороться и ненавидеть, – мы все, по существу, одна-единственная во Вселенной человеческая Семья».

*Наталья Дмитриевна Горшкова,
ст. преподаватель кафедры
русского языка НГТУ,
член Международной ассоциации
писателей и публицистов
и Союза журналистов РФ*

Поэзия,
проза

В. ГОНЧАРОВА*

НЕ ОТНИМАЙ

Если я попаду в магазин новых лиц,
Не тронутых злостной тревогой,
Не кусаных пастями лживых лисиц,
Не плачущих в полночь у дома,
Если прекрасны будут они все –
Пируэт на ковровой дорожке,
Я посмотрю и пройду мимо них –
Моё вы лицо не трожьте.
Сечений златых вереница вокруг.
Скучный всех вылепил скульптор.
Я не узнаю кого-то из них –
Люди копии будто.
Если я зайду в магазин новых лиц,
Не тронутых чьей-то рукою,
Горести над одиночеством их
Я, к сожалению, не скрою.
Зачем же скитаться бессмысленно там,
Где жизнь совсем бесследна?
Где нет этих милых морщинок у глаз,
Солнцем оставленных летним?
Зачем же стирать себя самого
С холста, природой данного?
Не отнимай у души своего
Мира – места отградного.

* Гончарова Виктория, студентка ФГО НГТУ.

Н. ГОРШКОВА*

МЕЩАНСКИЕ МОТИВЫ

*Поедем в Царское село,
там улыбаются мещанки.*

О. Мандельштам

Я просто русский мещанин.

А. Пушкин

*За верность старинному чину,
За то, чтобы жить не спеши.*

А. Блок

1

Тихим вечером у дома посидеть
И послушать, что соседи говорят.
Словеса плетутся, словно сеть,
Раздаются голоса ребят.
Ну а сосны на всё смотрят свысока.
С тополей, кружась, пушинки вниз летят,
А берёзки – сама лирика –
Показать спешат весёлый свой наряд.
А в песочнице колдует детвора,
Лепят то ли замок, то ли дом.
Наступает сумерек пора,

* Горшкова Наталья Дмитриевна, ст. преподаватель кафедры русского языка НГТУ, член Международной ассоциации писателей и публицистов и Союза журналистов РФ.

И всё просится юоновский** альбом.
Есть и церковь, только вдалеке,
Лад и тишь царят, закат спешит,
Отсвет будто бы в поленовском*** мирке
Расслабляет, нежит, золотит.
Сколько милых двориков таких,
Городских непритязательных картин,
Дорогих, обычных и чужих,
Где покой, дай боже, властелин.
И пускай твердят о низменных мечтах,
О мещанстве, обывательской глуши.
Чтоб стремленья воспарили на крылах,
Созерцать и мыслить – важно для души.

2

Обязательно уж, что ли,
Всем мечтать о лучшей доле
И какой-нибудь идеей вдохновляться?
А нельзя ли просто мыслить,
Не копать в чужих мыслях,
Созерцать и чаще улыбаться?
В суть вещей не углубляться,
А «найти и не сдаваться» –
Так ли это надо и необходимо?
Сколько можно сомневаться,
Спорить, «делом зажигаться»,
Когда жизнь нелепо так проходит мимо?
И за лозунгами встречно
Что-то будет безупречно?
Иль опять сражаться и громить всё надо?
А ведь хочется порою,
Чтоб пришла бы без конвоя
К нам какая-нибудь тихая отрада.

** Юон К.Ф. (1875–1958), советский живописец, народный художник СССР.

*** Поленов В.Д. (1844–1927), русский живописец, передвижник.

Рисунок Чербаковой А.

ДРУЗЬЯ ПОЯВЛЯЮТСЯ С ДЕТСКОГО САДА

Когда мой двор уединённый

*.....
Твой колокольчик огласил.*

А. Пушкин

Друзья появляются с детского сада,
Со школьной скамьи, со студенческих лет,
А дальше как будто какая преграда
Для дружбы встаёт или чей-то запрет.

В соседях, на службе людей славных много,
Приветливых, честных, надёжных и нет.
Живут они рядом то трудно, то строго,
Зовутся клиент, пациент, конкурент.

Но если звонок, просто слух, эсэмэска,
Что будет проездом твой друг невзначай,
Ты прямо сейчас же решительно, резко
Бросай все заботы и друга встречай.

Бывает, желанная встреча сорвётся.
Дружище поймёт, что увяз ты в делах,
И грустно, и радостно он улыбнётся,
Деяньям придав твоим крупный размах.

Потом объяснитесь, услышав друг друга.
Взахлёб разговор встречи час освятит,
Всё перечислите: успехи, невзгоды...
Всё «колокольчик огласит».

ОТКРОВЕНИЕ

Во славу аэробики
Я отодвину логику,
Дидактику и тактику,
Оставлю лишь динамику.

Не выношу методику,
А с ней всю педагогику,
А также психологию
Любой идеологии.

И что тогда (не ведаю)
В образование делаю?
Весь век об этом думаю,
Да так и не придумаю.

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ ВЯЧЕСЛАВУ НЕБОЛЬСИНУ И ЛЬВУ СВИРНОВСКОМУ

Как любили мы встречи!
Как стихи мы читали!
Вдохновенные речи
Уносили печали.

И казалось, что музы
Рядом с нами летали,
Ослабляли все узы,
Звали в чудные дали.

И в свободном круженье
Стихотворные строки,
Не скрывая волненья,
Устремлялись в потоки.

Молодые поэты
Вокруг нас обретались,
Не все песни пропеты –
Так всегда им казалось.

Не вернуть уж то время.
Только память дерзает
Нам попасть верно в стремя,
Когда то ускользает.

И ЧЕМ ЖЕ, РУСЬ МОЯ, ОПЯТЬ...

*Так высьмайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*
А. С. Пушкин

И чем же, Русь моя, опять
Не угодила ты Европе?
А тем, что вовсе угождать
Не собираешься. И стопы
Пусть Галлия и Альбион
Свои уносят поскорее,
А то пополнят «легион»
Тевтонов, шведов в мавзолеях.

Вы все трусливою толпой
Накинулись на Русь родную,
Оружием и клеветой
Терзаете страну святую.

И соревнуетесь, кто злей
Укусит, твякнет и ударит.
Она ж стоит среди полей
И, как в веках, предупреждает:

«Опомнитесь, уйдите прочь,
Иначе русская дубина,
Когда уж станет нам невмочь,
Пойдёт по вашим рабским спинам.

Россия же, горда, вольна,
Возвысится над вами снова.
Непобедимая страна
На мир и лад всегда готова».

ПУШКИНСКАЯ СТРОКА

К 225-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина

*Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.*

М. Дудин

Когда октябрь распвечивает листья
И полон мир элегии, тоски,
Так не хватает Левитана кисти
И просветлённой пушкинской строки.

Когда зима сплошь белыми коврами
Застелет парки, запусив мостки,
Душа запросит тройки с бубенцами,
С мороза звонкой пушкинской строки.

Когда взбурлят весенние потоки
И станут небеса безмерно высоки,
Хандры российской мутные истоки
Не объяснить без пушкинской строки.

Когда же в солнцепал весь свет сомлеет
И в поле, и во ржи запляшут васильки,
Вас несогласье с словом одолеет
О летнем зное пушкинской строки.

Сомненья, страсти, трепет вдохновенья,
Волхвы, цари и золотые петушки...
В России жить в любом предназначенье
Немыслимо без пушкинской строки.

А. ГРИДЧИН*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Ну, вот и конец холодам. На дворе – начало марта. С неба сыплет то ли дождь, то ли мокрый снег, дороги и тротуары засыпаны тонким слоем снежно-водной каши, тропинки потеряли свою прочность, а на газонах – мокрая, раскисшая от влаги земля. И в воздухе чувствуется дыхание тепла, которое уже вот-вот окончательно растопит морозные объятия зимы, и ручьи – эти верные гонцы наступающей весны – уже текут по проезжим частям дорог, мешая пешеходам пересекать их.

Начало весны 2023 года необычайно остро обнажило все мои чувства. Я стал совершенно точно знать, когда плохо моим родным и близким, когда нужно их поддержать словом или телефонным звонком. Мне кажется, я стал понимать, о чём думают те, кто в данную минуту находится рядом со мной. И размышлять о том же, о чём думают они. Почему это так? Я не знаю. Может быть, во мне наконец рождается тот, кого я назвал «Человеком с планеты Земля»: честный, верный и истинный, любящий Жизнь и мир вокруг себя.

Весну 2023 года я ощущаю как трудное начало пути. Пути творчества, не связанного догмами Системы. Человек имеет право творить. Творить, не спрашивая разрешения, творить, повинувшись одному только Высшему Зову, который вечен, как и вечна Вселенная. Да, мы все равны перед Создателем, нет среди нас первых и последних. Но прозрение сердца, способного любить весь мир, способного выплеснуть из себя то, что живёт и болит в каждом, приходит ко всем с разной скоростью. Рождая в Душе острую боль, подпуская к глазам слёзы, которые только лишь на миг блеснут в уголках глаз и уйдут обратно, чтобы затем прозвенеть нотами и стихами – плодами творчества.

* *Гридчин Александр Викторович*, кандидат технических наук, доцент кафедры полупроводниковых приборов и микроэлектроники НГТУ.

...Пишу, а перед глазами заключительные кадры замечательного советского сериала «Семнадцать мгновений весны»: в Берлине, самом сердце Германского рейха, советский разведчик останавливает машину, сворачивает с дороги на обочину... чтобы просто остановиться и почувствовать состояние душевного покоя... Да, он знал, что война движется к победному окончанию. Знал, что скоро советские пушки и танки, ломая все преграды на своём пути, устремятся к Берлину. Он, скорее всего, не знал когда. Но он знал, что это будет. Будет неизбежно, как приход весны, как прилёт птичьих стай, которые уже собрались в долгую дорогу. Домой. На Родину...

У каждого из нас есть своя Родина. Каждому из нас дано однажды туда вернуться. Какими мы туда вернёмся? Что понявшими здесь? И что значит то, что здесь мы почувствовали, сумели осознать и воплотить – для Вечности, жителями которой мы являемся? И когда нам настанет черёд предстать перед Вечностью, что мы унесём в себе и что оставим здесь тем, кто останется после нас? Вот они, вечные вопросы, которые потому только есть вопросы русские, что только русскому и только в России дано познать ответы на них. Потому что Россия – территория Создателя всего сущего – была, есть и будет навечно! Да, вся планета, вся Галактика и всё Мироздание – тоже Его территория. Но только Россия – уникальный Храм Мироздания, служить в котором могут только русские Душой и Сердцем.

И когда я раскрываю мои объятия навстречу весне 2023-го, принимая её всем Сердцем и всею Душою моею, я понимаю: я творю свою жизнь, творю свою Вечность. Поздно ко мне пришло это понимание: много ошибок в жизни было наделано, многими заблуждениями в жизни моей я был ведом.

Но всё былое уходит. Уходит вместе с мутной водой ручьёв, текущих по городским улицам. Уходит вместе со снегом, напитывающим живительной влагой просыхающую для новой весны землю, которую наши далёкие предки нарекли удивительным названием «Святая Русь».

Будущее неизбежно придёт, как восход Солнца – Солнца Веры и Любви, которое будет сиять миру, даря тепло и радуя его своими лучами, помогая ему цвести и приносить свои плоды!

И сколько бы каждому из нас ни отпущено было лет на то, чтобы пробыть здесь на нашей планете, – их необходимо прожить честно, искренне и с полной отдачей!

С новой весной вас, люди русские! Живите и творите каждый свою жизнь в Вечности!

12 марта 2023 года

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

На сибирскую землю тихими, неторопливыми шагами ступает Осень. В воздухе уже чувствуется её прохладное дыхание. С утра небо затянуто серыми тучами, льёт дождь, не прекращаясь ни на минуту. Хочется горячего крепкого чаю за столом, украшенным букетом чайных роз в хрустальной вазе. Оранжевый цвет, цвет рассветного Солнца, очень поднимает настроение. Но чайных роз рядом нет, а есть оранжевая и тёмно-жёлтая осенняя листва, которая скоро обильно украсит улицы, скверы и аллеи моего города.

Дождь чистит атмосферу, вымывая из неё всю грязь, – после него легко и свободно дышится. Нужно, чтобы и в душах людей время от времени тоже шёл обильный дождь, и они очищались бы в его струях от грехов и пороков, которые современные люди, словно стыдясь, называют негативными энергиями.

Дождь, словно вестник Осени, напоминает нам о скором приходе времени раздумий о многом и разном. Разноцветные осенние листья скоро закружатся перед каждым из нас ворохом сорванных с календаря листков прожитых нами дней. С каждой Осенью их всё больше. А жизнь идёт. Вершатся дела, взрослеют дети, у них тоже появляются дети, которых нужно растить, беречь, любить ...

И стихи Ивана Алексеевича Бунина об осени всё такой же болью сейчас звучат в душе, как звучали они тогда, осенью 2018 года, которая навсегда унесла жизнь моего папы.

Осень – это всегда время прощания с прошлым, которое уходит безвозвратно. Можно радоваться тому, что на территории детского сада, куда я когда-то ходил ребёнком, теперь выстроено современное общежитие университета. Радоваться за молодых, которым здесь жить, которым здесь строить своё будущее, создавать свои семьи, рожать детей. Это будет уже другая Россия, будущая. Хочется пожелать им, молодым,

не совершать в жизни своей ошибок. Но ясно и понятно, что они всё равно будут совершать ошибки. Свои собственные. Ибо без этого не бывает у человека движения вперёд.

И только спокойная и мудрая музыка осеннего ноктюрна, созвучная струям дождя, омывающего мой родной город, словно царит над всем, давая каждому из нас надежду. Великую надежду на то, что всё то, что мы передумали, почувствовали, создали, воплотили и оставили здесь, на нашей земле, было не напрасно!

12 августа 2023 года

ВЕЛИКИЙ ДАР НАДЕЖДЫ

Удивительная в этом году в Новосибирске золотая осень. Обычно тополя в городе желтеют и облетают раньше, за ними наступает очередь клёнов, а затем берёз и рябин. В этом году пожелтело и покраснело как-то всё и сразу. Буквально все деревья вдруг запылали золотыми и багряными кострами, точно хотели всю энергию, накопленную за долгое и жаркое сибирское лето 2023-го, в одночасье взметнуть сияющими столпами в ярко-синее осеннее небо!

Это был самый настоящий праздник в природе, равного которому я не видел и не ощущал очень давно, – праздник золотой осени. Людям казалось, что наступила весна – так тепло было на улице, так уютно было гулять по дорожкам парков и скверов. Несмотря на то что за окном октябрь, днём можно было ходить в одной рубашке и лёгких туфлях на фоне золотой листвы, зелёной травы, алых гроздьев рябин, под лёгким дуновением осеннего ветерка. И даже обычная городская суета смягчалась этим удивительным ощущением необъявленного праздника. И если нужно было спешить, то и спешить-то было как-то радостно, потому что по делу и ради пользы людям!

А кульминацией этого удивительного праздника было 5 октября – День Учителя. Учителя с большой буквы. Сегодня, как и вчера, он входит в класс или аудиторию и говорит: «Здравствуйте! Давайте начнём наш урок!»

Довелось и мне за 28 лет своей непрерывной педагогической практики, включая 12 лет частной преподавательской работы, познать и увидеть многое. Я видел тысячи глаз учеников, к которым приходил в классы и студенческие аудитории на занятия. Я видел в глазах молодых

восторг, я видел в них благодарность, но я видел и усталость, и недовольство, и огорчение, и порой даже обиду. Но всегда во всех глазах светилась надежда! Да, эта великая надежда на знания, надежда на меня как носителя этих знаний, способного вложить их в юные и не очень юные головы и обогатить, просветить, наполнить великим Смыслом, ради которого стоит жить и творить на нашей прекрасной планете!

Выше этой Надежды нет ничего для человека. Потому что в ней слились воедино Мудрость, Знание и Смысл жизни на земле. Ибо всякий день, который человек проживает на земле, он учится жить. И нет смысла жить, если он не учится ничему. Да это и невозможно, если честно.

Вот почему удивительный праздник золотой осени стал для меня самым большим, самым прекрасным подарком ко Дню учителя – подарком, который мне, как и многим тысячам других людей, преподнесла щедрая сибирская природа. Это воистину был Великий Дар Надежды. Надежды на то, что мой труд, мои усилия, мои устремления сеять в душах маленьких и больших детей разумное, доброе и вечное не напрасны! И что, быть может, пройдут годы, но зёрнышки знаний, посеянные в них через меня щедрой рукою Творца, прорастут и дадут свои всходы, и так будет продолжаться вечно!

Дорогие мои ученики, прошлые, нынешние и будущие! Спасибо вам за то, что вы есть! Пусть вечно сияет в наших с вами душах и сердцах Свет Знаний, и пусть он ведёт нас дальше по великому Солнечному Пути нашей жизни!

14 октября 2023 года

ДОТЯНУТЬСЯ ДО НЕБЕС

Мне не хочется сегодня цитировать чьи-то слова. Хочется заглянуть в самую глубину своего сердца... почувствовать мою **Мечту**. Почувствовать, что она во мне **есть!**

Ведь за 30 с небольшим лет после крушения СССР мы почти разучились мечтать! Наши мечты часто носят откровенно утилитарный характер. Кто-то мечтает о новом авто, кто-то – о новой квартире, о работе в престижном месте. Другие – стать привлекательным или привлекательной, самореализоваться в жизни, добиться успеха. В грохоте войны многие мечтают о мире, о жизни без войны. А те, кто вот сейчас, в данную минуту, прячется от обстрела или бомбёжки где-нибудь в подвале

полуразрушенного здания, мечтают о том, чтобы выжить... И нет для них никаких других, более важных, мечтаний. Всё – потом. После...

Когда-то давно Советский Союз предложил всем народам, населяющим его, идею мира, основанную на дружбе и взаимопонимании народов. Эта была идея глобального общего дома, где не должно быть тесно жить ни одному из многочисленных народов и народностей. Эта идея была Идеей, пришедшей Свыше, хотя и понятой людьми по-своему. Обществом потребления она была осмеяна и отброшена, но она – единственная, с которой наша планета не превращается в безжизненную пустыню. Единственная, с которой человечество отходит от гибельного края пропасти самоуничтожения.

Мы, последнее поколение, выросшее в Союзе, мечтали о счастливой жизни. Она нам была обещана, хотя мы не очень верили обещаниям. Но в те времена мы были по-настоящему счастливы. Потому что у нас были наши родители, папа и мама, были бабушки и дедушки, которые любили нас и делали всё, чтобы у нас, детей, было детство. И оно у нас было!

Мы бегали в лес, в поле, на речку, мы встречали рассветы среди трав, усеянных капельками росы, сверкавшими в солнечных лучах, подобно звёздам на небосклоне. Мы смотрели на пролетающие мимо поезда и мечтали о дороге. Мы приходили на берег моря, слушали шелест волн и мечтали всякий раз снова сюда вернуться. А в лесу вдыхали запах нагретой солнцем сосновой хвои, слушали пение птиц, радовались простой костянике, которую с удовольствием ели. Для того чтобы порадоваться, ощутить её вкус, нам достаточно было всего несколько ягодок...

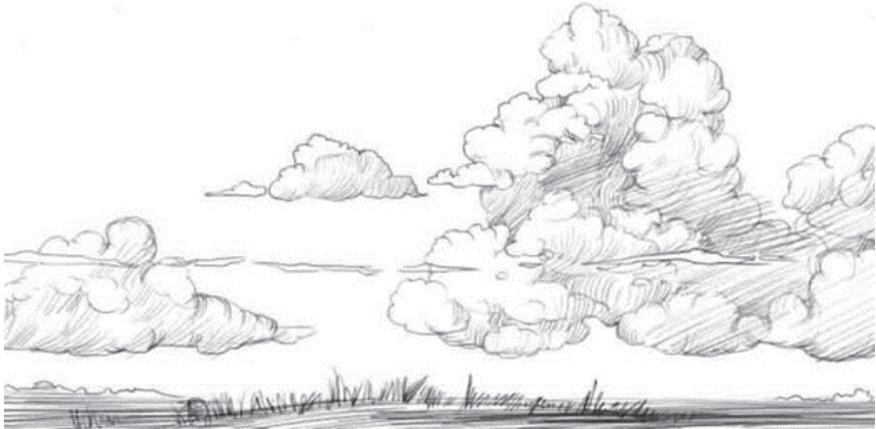
Счастье жить – то самое главное, что даровано человеку на нашей планете! Это счастье чувствовать себя на планете человеком, со всем свойственным ему внутренним миром, мечтами, мыслями и устремлениями!

Да, я не стал тем, кем мечтал стать в детстве. Я не стал танцевать в балете, как мечтал, когда мне было 6 или 7 лет. Не стал деканом факультета, как мечтал на первом курсе моего родного университета, где я работаю. Не стал машинистом электровоза, не сел в кресло пилота истребителя, не накачал себе мышцы, чтобы стать привлекательным. А моя сестра так и не полетела в космос, папа так и не смог попасть в Долину гейзеров на Камчатке, а у мамы не получилось посвятить свою жизнь швейному творчеству, как она мечтала. Но при всём этом мы все сумели остаться в своей жизни **Человеками**. Человеками с большой буквы!

Я мечтаю о том, чтобы наша Земля стала Планетой Людей, на которой каждый ощущал бы и осознавал, что он Человек. Что благодаря присутствию в нём творческого, Божественного начала человек может и жить, и творить – и он творит и счастлив ощущать себя частицей этого вечного, творящего, Божественного Мироздания! Творить не только душой, но и действиями.

Наверное, об этом мечтал талантливый композитор Алексей Рыбников, создавая музыку, которая вдохновляла тогда нас, детей, дотянуться до Небес! Не «прыгнуть с разбега» до самого неба, а именно потянуться, подрасти и **достать** до Него своей Мечтой!

Пусть и моя жизнь «здесь и сейчас» послужит пусть хотя бы маленьким, но действенным шагом к воплощению моей большой, самой сокровенной и самой вдохновляющей **Мечты**.

А небо над нашей крышей
Сияет лучами света
И тайной игрою этой
Зовёт нас к себе и манит...
И так успокоенно дышит
Душа над огромной планетой:
Она, дотянувшись до неба,
Светлее и чище станет...

24 февраля 2024 года.

Е. ИТЭСЬ*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Детская песня

Мы идём, гуляем –	Прыгаем и бегаем –
Это хорошо!	Это хорошо!
Песни распеваем –	Лазаем и ползаем –
Это хорошо!	Это хорошо!
Не спорим, не дерёмся –	Катаемся, качаемся –
Это хорошо!	Это хорошо!
А шутим и смеёмся –	К обеду возвращаемся –
Это хорошо!	Это хорошо!

БЫТЬ ДОБРУ

Как золотистые шеломы,
Сверкают купола церквей,
И охраняют веру храмы,
Как воинство богатырей.

Так храм Марии Магдалины
Среди Авдеевских руин
Приветствует победным звоном
Героев из русских былин.

* *Итэсь Екатерина Геннадьевна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГО НГТУ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК ВСЕГДА!

Крутится, вертится шар голубой...
Популярная песня

Позавчера, вчера (как и сегодня, завтра),
А также послезавтра и каждый день – всегда
Так было, есть и будет,
Так было, есть и будет,
Так было, есть и будет...
Пусть будет так всегда!

Солнце садится, солнце встаёт –
Кружит планета, а время идёт.
Мелькают столетья, мелькают года –
Так было, есть, будет...
Пусть будет всегда!

МОЯ РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сто лет тому назад

Был мой дедушка чуваш –
Значит, я чувашка...
Глаза серо-голубые,
Красный вышитый узор,
Белая рубашка.

Бабушка была с Урала,
По отцу еврейка.
Но по маме – род Бажовых
Из посёлка Полевское...
«Голубая змейка».

А другая бабушка,
Казачка из Ельца
С русско-турецкими корнями,
Вышла замуж за еврея,
Партийца-молодца.

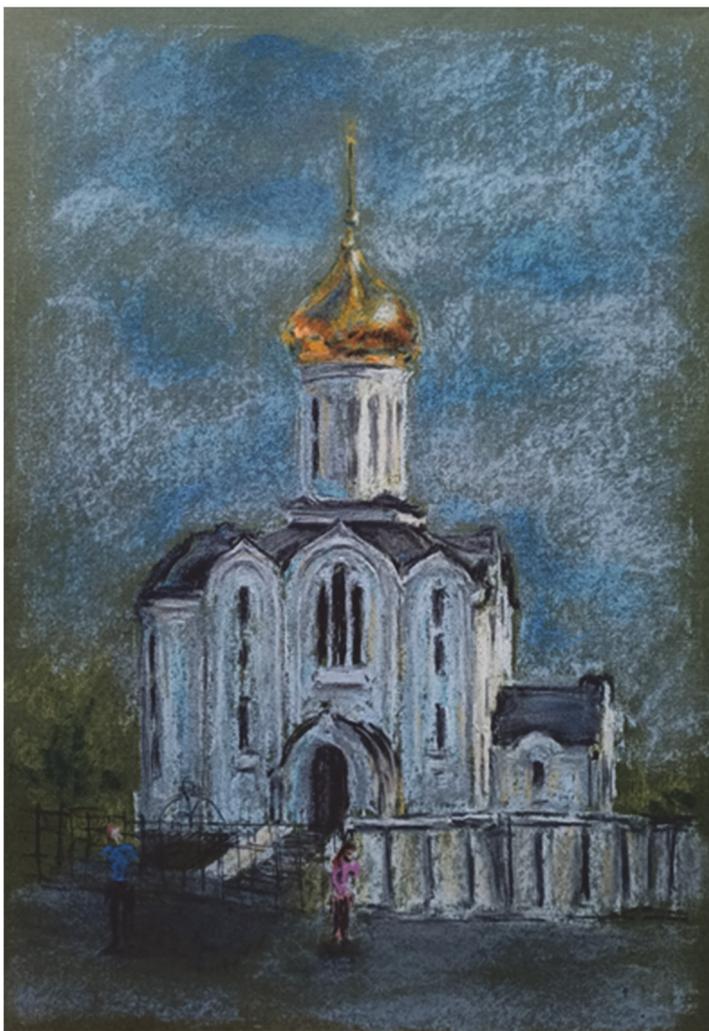

Рисунок Радостевой М. Собор новомучеников Российских

Е. МАЛЬКОВА*

* * *

За здоровье Души, за сердца зоркость,
За огонёк в глуши, где правит косность,
За искренность – вот движитель добра,
За то, чтоб сила не была права,
Чтоб слава не туманила сознание,
Чтоб власть не стала центром мироздания,
Условностей цепей чтоб паутина не стесняла боле,
За то, чтобы свободно петь на воле,
За то, чтоб просто быть самим собой
И, слушая души своей движение, творить!
Любить, лечить, дарить...
За то, чтобы не стать домашней птицей сытой
И корм с кормушки брать, погадив деловито,
За то, чтобы мечтать и жить, как сердце просит,
За то, чтоб не считать ни лет, ни зим, ни вёсен!
Чтоб можно было встать, не защищая спину,
За то, чтоб хлеб уметь делить на половины,
Чтоб было с кем делить,
Но – не улады ради –
Не тешить плоть, но жить!
За здоровье Души!

* Малькова Елена Владимировна, преподаватель НЭТИ.

* * *

В этой песне горит огонь –
Пой песню, пой.
С этой песней в последний бой –
Пой песню, пой.
В этой песне горечь потерь –
Пой, песню, пой.
С этой песней надо теперь
Страну заслонить собой.

В этой песне горит огонь –
Пой песню, пой.
В этой песне снарядов вой –
Пой песню, пой...
В этой песне сожжённый дом –
Пой песню, пой.
В этой песне слова о том,
Как выжили мы с тобой...

В этой песне горит огонь
Наших сердец.
Эту песню пел нам с тобой
И дед, и отец.
В этой песне вечный огонь
Для павших ребят...
Стала песня нашей судьбой,
Песня не на парад...

В этой песне горит огонь –
Пой песню, пой.
С этой песней в последний бой
Выпало нам с тобой.
В этой песне горечь потерь –
Пой, песню, пой.
С этой песней наступит день –
Мы вернемся домой...

В этой песне горит огонь наших сердец...

Е. МЕДВЕДЕВА*

* * *

Не закрывай за мною дверь,
Оставь её чуть приоткрытой,
Чтоб звуки музыки забытой
Могла я слышать и теперь.

Когда душа не хочет петь,
Смени одну песнь на другую,
Тогда могу напропалую
Я веселиться и шуметь.

* *Медведева Елена Владимировна*, преподаватель кафедры иностранных языков ФГО НГТУ.

Не закрывай за мною дверь.
Тебе мешать, поверь, не стану.
Мне залечить бы только рану
От оглушительных потерь.

* * *

Я разделась, пальто повесила,
Шаг – и я в переполненной комнате.
Мне казалось, что будет весело,
Вы меня обязательно вспомните.
Закружилась в фальшивом старании
Улыбаться и слыть полезною:
Пересилив в душе закипание,
Я смеялась над шуткой скабрёзною.

ГАДЮКА

(Посвящение повести А.Н. Толстого «Гадюка»)

Ах, если б всё переиграть,
Ах, если б всё начать сначала,
Ах, если б сердце не стучало,
Когда я думала соврать.

Ах, если б честность упразднить...
Но честь есть честь, а подлость – подлость.
Ах, если б не слепая гордость,
Я стала б раны беречь?

На фронте знал, кого рубить,
На фронте – всё гораздо проще.
А ныне? Битвы за жилплощадь?
Мне больше некого любить.

Мои бы подвиги воспеть –
Недаром я звалась Гадюкой!
Но жаль, что жизнь и эти муки
Я не смогу перетерпеть...

УЧИТЕЛЮ

(Посвящение спектаклю Ю. Олеси
«Три толстяка», эпизод 7 «Учитель»)

Гостиная пуста, погас слепящий свет,
Притворство покидает наш оплот.
Глухая тишина, на всё – немой ответ,
Часы лишь продолжают мирный ход.

Который раз подряд ты порывался вдруг
Сказать мне что-то, но всегда молчал,
Лишь обжигал меня мороз шершавых рук,
Когда немой секрет с тобой венчал.

Уйдёшь. Тебя зовёт искусственный песок,
Создатель, мастер ледяных сердец.
Ведь там твой балаган, ведь там твоя Суок.
Как жаль, что не узнаем мы конец.

Рисунок Радостевой М. Театр «Глобус»

В. МУРСКОВ*

АРАЛ

Я родился, и вокруг меня была соль. Я живу, и вокруг меня соль. Я умру, и меня закопают в соль. И я стану солью. Такова судьба человека, который родился вблизи Аральского моря.

Мои родители жили в портовом городке Аральске, который находился на самом берегу полноводного Аральского моря. Потом произошла катастрофа: Арал начал постепенно высыхать. Родители не хотели уезжать, но всё-таки думали о будущем переезде. Не хотели тревожить меня.

Я родился уже после того, как Арал пересох и превратился в солёную пустыню. С самого детства мне было интересно, почему мой дом находится в пяти минутах ходьбы от пустыни и почему в некоторых местах этой пустыни такие сильные изменения ландшафта. Чуть позже, когда я стал смыслёнее, родители мне всё объяснили.

Я не хочу винить в том, что произошло с морем, человечество, правительство стран. Я просто хочу понять.

Меня всегда тянуло в пустыню, я хотел пожить там. Перед тем как отправиться в путешествие, пару недель я зарабатывал деньги, рассчитал свои доходы так, чтобы мне хватило ровно на полторы недели.

Мои родители как раз собрались переезжать в ближайший крупный город – в Кызыл-Орду. Мою затею они не одобрили, зато оставили мне электрическую плитку, фонарик, маленькую коробочку с нитками и иглами. Всё остальное я собрал сам: взял поношенную одежду, нашёл на чердаке дома старый чайник с нагаром и такую же кастрюлю, продукты положил в сумку, одолжил у друга спальный мешок.

Я слышал, что где-то недалеко от Аральска есть небольшие заброшенные поселения с бетонными коробками. В одной из таких коробок

* Мурсков Владимир, студент ФГО НГТУ.

я и планировал обосноваться. Собрав всё, что нужно для похода, я окончательно покинул наш дом... Через пару недель его должны снести: власти решили очистить береговую линию бывшего моря.

И вот я двинулся к берегу и подошёл к довольно резкому спуску, по которому можно было съехать, как по горке. Сначала я спустил свои вещи, потом спустился сам. Вся моя одежда сразу же стала белой от соли, я попробовал соль на язык и понял, что никогда не ел такой вкусной соли.

И вот я на дне моря, в долине. За то время, когда Арал стал пустыней, люди уже успели понастроить домов и покинуть их. Домов на дне Арала было немного, но даже те, что имелись, было сложно назвать домами в привычном понимании. Это были просто облупленные коробки с плоскими бетонными крышами. Простое обиталище для покинутых природой жителей Приаралья.

Некоторые люди решили, что постройка отдельной бетонной коробки – это слишком накладно, и поселились просто внутри множества разбросанных по дну остовов кораблей. Ставили внутри столы, стулья, плиты, шкафы, кровати в абсолютно хаотичном порядке и жили так. Спальня, кухня и столовая были в одном пространстве.

До своей цели я шёл примерно полчаса с того момента, как спустился на дно бывшего моря. Я нашёл небольшой кластер бетонных коробок и решил остановиться в одной из них. Я зашёл внутрь, оценил обстановку и понял, что там есть всё для жизни и моих запасов вполне должно хватить на полторы недели. Примерно столько я планировал провести на дне.

В моём доме была небольшая старая дровяная печь с конфоркой наверху. Да, придётся сходить ещё и за углём. Также тут был полуразвалившийся шкаф, но он всё ещё мог выполнять свои функции. Я вытащил свои вещи из сумки и разложил их в шкафу. Снял с рюкзака спальный мешок, положил его как можно ближе к печи, чтобы по ночам не было слишком холодно спать. Получалось, если я буду спать лицом к печи, то шкаф с вещами будет прямо за моей спиной. Главное, чтобы он не упал мне на голову. Я ещё не прошёл земную жизнь до половины и не очутился в сумрачном лесу. Только лишь в пустыне.

Выложив все вещи из сумки и рюкзака, я решил отправиться за углём или дровами. Притащив пакет угля и упав без сил на бетонный пол, я понял, что мне стоит озаботиться своим физическим здоровьем.

Пролежав примерно час, я более-менее восстановил силы и понял, что ко мне пришло желание поесть. Я вытащил пару угольков, кинул их в печь и следом чиркнул спичкой. Сразу ощутил тепло, которого мне не хватало. Вышел из дома – кругом тьма, и больше ничего. Только жёлтое зарево от огня в моей печи.

Я провозился с готовкой ещё час. На улице совсем стемнело. Оставалось только сидеть и думать. Я подкинул угли в печь. Что же даст мне это приключение? Арал... Я ощущаю здесь свободу, но и в то же время одиночество. Это соединение того, о чём человек так мечтает, и того, от чего человек отмахивается до самой смерти. Ведь самая ужасная смерть – это смерть в одиночестве.

Это было последней мыслью, которую я помнил. Дальше я провалился в сон. Проснувшись, понял, что не смогу провести тут столько времени. Прошёл только один день, а я уже умудрился заболеть, ведь печь перестала греть через двадцать минут. Хорошо, что не ломит тело. Но и никаких лекарств у меня нет.

Я позавтракал остатками вчерашнего ужина, вышел из дома и пошёл бродить по дну моря. Бродил до позднего вечера, именно тогда меня настигла песчано-соляная буря. Перед глазами летали бело-жёлтые частички, желающие как можно больше ударить моё и так ноющее тело. Видимость снижали два фактора: на улице был вечер и вечная соль перед глазами. Было сложно идти, я застревал ногами в песке и падал, ненароком делая своему телу ещё больнее.

Подходя к своему дому, я сначала не заметил ничего особенного, но, обойдя его по периметру и не найдя двери, понял: весь дом был засыпан той песчаной смесью, что настигла меня в пути. Я откопал дверь и ввалился в дом вместе с сугробом из соли. Сил выметать его оттуда не было. Все вещи, что я принёс, и все вещи, что были тут, засыпаны. Я просто упал на какой-то мешок и заснул. Снились странные сны. То меня лижет верблюд, а я лежу среди пустыни. То у моего дома, храма моего спокойствия, сносит крышу, и я вижу звёзды на потолке.

Я проснулся, не зная, где я и кто я. Потом я вспомнил весь прошлый день. Меня передёрнуло. Двигаться было больно и почти невозможно: лоб горел, ноги гудели. Я вышел во двор своего замка и ничего не увидел. Была глубокая безлунная ночь. Сколько же я проспал?

Единственное, что я понимал, – это дикое желание поест. Я понял, что не могу оставаться тут в таком состоянии и должен вернуться домой.

Я шёл в свой настоящий дом два часа. Я никогда не был так рад своей кровати. Таблетки и пилюли перестали казаться такими горькими и противными. Даже столь небольшого пребывания на дне моря хватило для понимания того, что я не готов. Ни к путешествиям, ни к самостоятельности. Придётся как-то смириться и усвоить тот урок, что мне преподавал Арал. Просто нужно время. Сейчас я отправлюсь к родителям. Но когда-нибудь я вернусь сюда для нового вызова...

Д. ОРЕХОВ*

О ВАЖНОМ

Как же хочется взять и спрятаться
От проблем и вопросов гнетущих!
Как же хочется просто радоваться,
Что событий море грядущих!

Мы живём и порой забываем
Думать о самом простом,
О том, чего всем желаем,
О важном и дорогом:

О счастье, здоровье, удаче,
О чуде, любви и семье.
Мы делаем выбор иначе
И мыслим лишь о себе.

Не нужно нам затрудняться
И знать, как живут другие –
Нам лучше собой заняться,
Ведь мы же совсем не такие...

В каждом из нас душа проживает,
Которая чувства и настроения
Совсем по-иному впускает
В мир странствий и размышлений.

* Орехов Данил, студент РЭФ НГТУ.

Коль хочешь живым казаться,
Будь любезен, перестань быть слепым,
И станет твой путь проясняться –
Он станет мгновенно другим.

Будь тем, кем и был ты всегда:
Естественным, неповторимым,
И только, только тогда
Сможешь стать и вправду любимым.

Жаль, что случаются неудачи.
Прелесть, что есть чудеса!
Жизнь моментами даёт нам сдачи.
Как же вовремя это всегда!

А. ПЯТКИН*

СКАЗАНИЕ О СОЛНЦЕ

Будь для меня единственной,
Чью фотографию с подписью
Я буду хранить у сердца,
Дотрагиваясь всегда до Солнца!

При любом в жизни смятении
Не впадать в отчаяние,
А к мечте следовать,
Тобой лишь вдохновляясь!

Ты для меня звезда,
Что теплом делится всегда!
Твоё изумительное сияние
Будоражит моё сознание.

Прошу тебя, милая моя,
Береги себя, ведь таких,
Как ты, жизнь не щадит
И будет всячески мстить.

Ради твоей доброты,
Нежной заботы
И восхитительной красоты
Бьётся моё сердце.

Ты человек моей мечты,
И я не позволю себе
Видеть тебя без улыбки,
Подавленной.

* Пяткин Александр, студент ФЛА НГТУ.

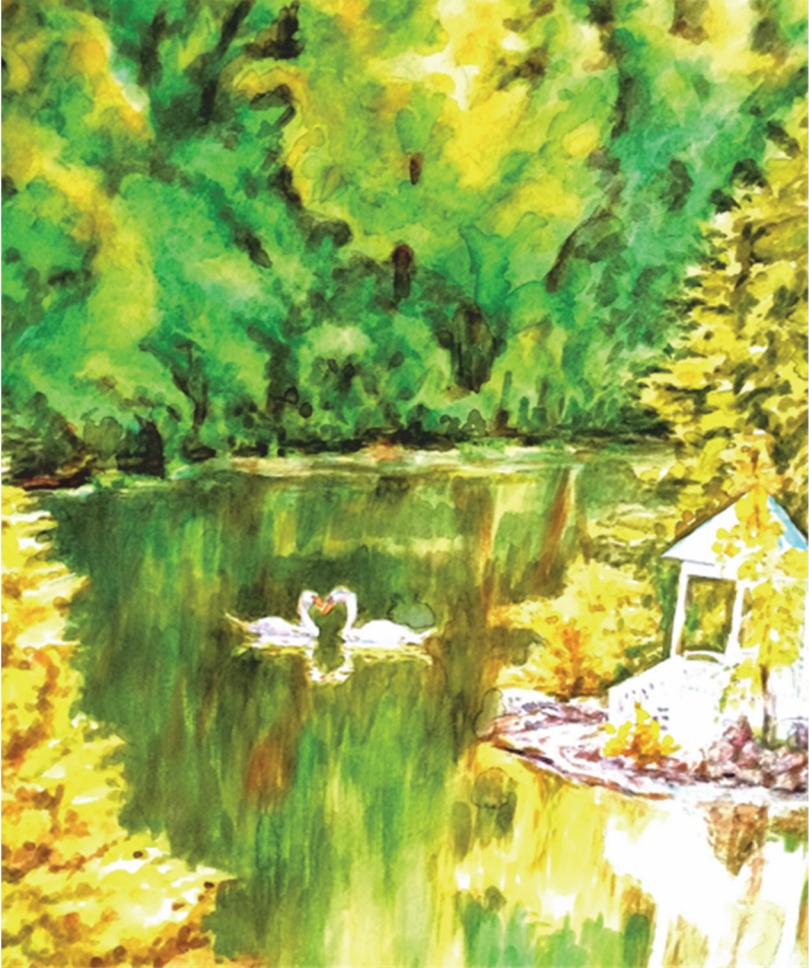

Рисунок Шкурина Г. Верность

Любовь – это действия, а не слова,
Поэтому для тебя цветы без повода,
Завтрак, приготовленный мной
В единственный выходной.

От брэнного мира
Я сберегу тебя,
Ежедневной заботой окружая,
Чтобы ты сияла для меня!

Даже опустошённый,
Я найду в себе силы,
Чтобы порадовать тебя
И увидеть, как ты счастлива.

Хочу, чтобы ты знала одно:
Я готов до костей обгореть,
Зная, что защитил Солнце своё,
Не позволив ему потускнеть!

У. РАМХИНА*

* * *

Любовь, зачем на свете существуешь?
Зачем ты мучаешь меня?
Ведь я не просто полюбила,
А насовсем и навсегда.
Хочу, чтоб думал обо мне,
Грустил, мечтал и любовался.
Хочу я сняться в каждом сне,
Хочу, чтоб ты в меня влюблялся.

* *Рамхина Ульяна*, сотрудник НБ им. Г. П. Лыщинского НГТУ.

Рисунок Чербаковой А.

А. РЕШЕТНИКОВА*

МЫ ПОПАЛИ С ТОБОЙ В ИГРУ

Мы попали с тобой в игру,
Совершенно случайно попали.
Где не ты и не я вожу –
Кто-то сверху нами играет...
Правил нет в этой странной игре,
И не знаю я установок.
Просто если везёт, то не мне,
Просто если провал, то весомый.
Мы попали с тобой в игру.
Явно кто-то смеётся над нами.
И, не веря в свою мечту,
Я шагаю, себя забывая...

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь, но только не сейчас
Я перестану верить в чудо:
Я буду видеть, что огонь погас,
Но разжигать его не буду.

Не буду я искать добро,
Где на замок закрыли двери,
Где след его простыл давно
И не найти ключей и веры.

* Решетникова Алёна Владимировна, заместитель начальника планово-финансового отдела НГТУ.

Рисунок Шкурина Г. Танго

Не стану я искать прикрас
И в ярких красках разливаться.
И, если сердце вдруг предаст,
Не стану к жизни возвращаться...

Когда-нибудь, но только не сейчас...
Пока я знаю цену чуда,
И блеск в глазах, он не погас,
И я бороться, как и прежде, буду.

И буду верить всё равно,
Что нет случайностей на свете.
И там становится тепло,
Где есть любовь, хоть дует ветер.

ГДЕ-ТО ВЕСНА ЗАТЕРЯЛАСЬ...

Где-то весна затерялась,
Что-то она не спешит.
Сердце от холода сжалось,
Сердце немного дрожит.
Холод и ветер пронзают
Душу мою насквозь,
Будто на струнах играют,
Ранят меня всерьёз.

Что ж, несмотря на всё это,
Голову вверх подниму,
Крикну: «Я буду согрета!»
Крикну: «Я всё смогу!»
Снова придут рассветы
Солнечной яркой зарёй.
Снова найдутся ответы,
Снова я буду собой...

И я смогу, я сумею,
Стану в сто раз сильнее!
Сердце своё отогрею.
Это несложно, поверь!

Рисунок Шкурина Г. Собор. г. Пушкин

О. РУДИЙ*

Храм за окном больничной палаты,
Как оберег, светом объятый.
Развеял тоску колокольный напев.
Отзвук в душе – словно важный ответ.

* * *

Как мало стало доброты,
Как много – зависти и злобы!
Ты в сердце бережно храни
Свой Свет и освещай другим дорогу.

* * *

Почему так легко
Всё плохое забылось?
Тихо, просто, светло...
Благодать «поселилась».

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛЕРМОНТОВА

Зачем так рано ты ушёл?
Зачем так рьяно жил на свете?
Зачем всё время на рожон?
Но он уже нам не ответит...

Страданья и мечты слились
В строках, божественно прекрасных.
Ты в сердце гордое взглядишь –
Оно терзалось не напрасно...

* Рудий Оксана, сотрудник НБ им. Г. П. Лыщинского НГТУ.

Рисунок Шкурина Г. Цветы у горного озера

* * *

На голубом небесном полотне
Рисуют облака свои картины.
Мгновение – и всё неотвратимо
Изменится. Но чувства
Навсегда останутся во мне.

* * *

Стремись к тому, чтобы другим
Тебя хотелось не жалеть иль обожать.
Ты постарайся быть таким,
Чтобы хотелось уважать.

* * *

Легко любить героя и красавца,
А если угораздило – мерзавца?!

* * *

Зачем человеку поэзия?
В небо ночное влюбляться?
В чём польза от птичьего пения?
От лунной дорожки на озере?
И как же прекрасны сомнения,
И что без ответов вопросы!

* * *

Шмель-трудяга в униформе,
Полосатой, шерстяной,
Куст шиповника присвоил
И жужжит, как заводной.

Е. СКВОРЦОВА*

НЕ ТА РЕКА

...В медленно опускающихся сумерках я бежала рысью впереди группы: последние полчаса отвратительное место, в котором мы оказались, стало почти проходимым, так что всем удалось развить неплохую скорость. За весь день мы прошли всего ничего, но потратили столько сил, что каждый теперь готов был верить другого, что спуск практически закончился. Не раз в течение этого тяжёлого дня, останавливаясь, я доставала карту и впивалась в неё взглядом.

– Два с половиной километра, – таков был вердикт, когда около двух часов дня я вновь совершила свою нехитрую манипуляцию.

– Сумеет ли за два часа преодолеть такое расстояние? – с мукой в голосе спросила Людмила Павловна.

– Будем надеяться, – с сомнением произнёс Егор, едва ли не впервые за весь поход в голосе его не прозвучало обычного воодушевления.

Усомниться было в чём: несмотря на то что изо всех сил мы пытались ускориться, то и дело на нашем пути возникали непредвиденные препятствия.

...Вчера утром мы покидали нашу стоянку под Замками злых духов, чтобы, спустившись к раннему ужину вниз, в последний раз переночевать возле устья реки Имурты. Оттуда на следующий день в четыре часа нас должен был забрать и отвезти домой старенький, но всё ещё вполне работоспособный ГАЗ-66.

Спуск по Имурте (впрочем, как и по любой горной реке) имеет свои особенности: сначала, идя вниз от Замков, нужно пересечь широкую долину, через которую идут, постепенно расходясь в разные стороны, десятки троп, в основном конных.

* Скворцова Елена Борисовна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков НГТУ.

Долина эта сыграла уже раз со мной злую шутку: в прошлом году, предупреждённая, что ни в коем случае нельзя брать курс слишком влево, чтобы не попасть на другую реку вместо Имурты, я забрала слишком вправо и увела группу далеко от пункта назначения – в посёлок Элекмонар. Ничего серьёзного тогда не случилось: спустившись и пройдя двадцать семь километров по прямой дороге, мы позвонили в лагерь и договорились с водителем об ином «месте встречи».

Долина и раскинувшиеся по ней тропы на самом деле сбивали с толку: конники, занимающиеся коммерческими маршрутами, знали эти места как свои пять пальцев, конечно, а вот пешие туристы, спускаясь с Замокв, не раз обманывались: иные, подобно мне, уходили вправо и оказывались в Элекмонаре, иные забирали слишком влево.

О неприятностях, которые влекла за собой вторая ошибка, я услышала впервые лет в тринадцать в своём первом большом походе. Был, помню, ненастный грозовой вечер, и, спрятавшись глубоко в спальник, я слушала краем уха, как сосед по палатке, опытный походник Романов, рассказывает другому соседу о своих злоключениях на Муехте.

«Совершенно дикое, полностью заросшее место. Как мы там спускались, как мы там спускались, – охал Романов. – Нет, это самое худшее, что можно придумать, никому не посоветую».

Я ещё тогда подумала: слово-то какое неприятное – Муехта! Звучит как что-то муторное и тесное, будто протискаешься сквозь тыкающиеся в тебя со всех сторон ветки! А ещё подумала: интересно, зачем они по ней спускались, решили путь сократить, что ли, или просто поэкспериментировать?

Тогда я не понимала ещё, как легко заблудиться в горах даже опытному походнику. Вот, скажем, дорога перед тобой раздваивается. По той или иной причине (на самом деле – почти всегда наугад) выбираешь путь, думая: если что, всегда можно вернуться. Двигаешься дальше. Выбранный путь вызывает всё больше сомнения, но почему-то не хочется думать, что идёшь неправильно, хочется быть хоть в чём-то убеждённым и с непонятным упрямством шагаешь вперёд, пока внезапно тропа вообще не ухнет куда-нибудь вниз или не свернёт резко в непонятном направлении.

Главное – вовремя остановиться, задуматься и, как ни неприятно, вернуться обратно. Начинающему инструктору сделать это тяжело,

ведь так боишься показаться всем глупым и неопытным (каким на самом деле и являешься).

Знать в горах, где находишься, и находиться на нужной тропе – разные вещи. Часто случается, что в принципе сориентироваться можешь, а тропа незнакомая – что ж, думаешь, пойдём тогда по ней, ведь направление вроде бы то... и чувствуешь, как постепенно она уводит тебя не туда, куда надо, а всё равно надеешься.

Значит, стараясь не забирать вправо, мы спускались с Замков по долине, и поначалу всё было прекрасно, но вот странность: тропа, совершенно отчётливая конная тропа, в какой-то момент вдруг решительно поворачивала влево, а затем постепенно снова уходила вверх. Ерунда какая-то: зачем тогда вообще её протоптали? Впрочем, не суть важно. Главное, что нам нужна тропа, ведущая вниз, а здесь её нет и в помине.

Наконец мы заметили какую-то крошечную тропинку, ответвляющуюся вниз, однако спустя минут двадцать оборвалась и она. Сбросив рюкзак и побегав по склону час в тщетных поисках тропы, я вернулась.

В конце концов было решено двигаться вниз вдоль ручья. Если судить по расположению солнца, двигались мы в правильном направлении, но места были совершенно незнакомые и нехоженые: слева от ручья дремучая чаща, справа – резкий склон.

– Лена, – тихо сказала Людмила Павловна, когда в какой-то момент мы остановились в нерешительности возле ручья. – А это не может быть Муехта?

– Думаю, это она и есть, – неохотно признала я.

Наверное, если бы погода была плохая, мы бы просто вернулись и с горем пополам вышли бы на Имурту. Но небо голубело с такой безмятежностью: ни облачка, ни малейшего ветерка! Потому я решила, что, свернув направо, можно набрать высоту и просто перевалить через хребет, отделявший нас, как становилось теперь понятно, от реки Имурты.

Ох уж эта долина! Никогда она мне не нравилась: в прошлый раз я ушла вправо, в этом году, боясь повторения первой ошибки, забрала влево, причём весьма основательно. Прикрыв глаза, я вновь представила себе необъятную долину, по которой мы только начинаем спускаться вниз, и где-то впереди нас, ровно посередине, не правее и не левее, далеко за деревьями скрывается Имурта.

Мы стали карабкаться вправо, к хребту, и чем выше поднимались, тем сложнее приходилось. Как оказалось, весь склон был завален

деревьями. Там и здесь, пока мы продирались сквозь кусты и ползли по камням, попадались стволы деревьев. Сколько же деревьев по время бурь попадало здесь за долгие годы, в этих местах, где никто из людей не ходил! Стволы прорастали мхом и гнили.

Меня мучила совесть: у Людмилы Павловны болела нога, которую она подвернула ещё на второй день похода, но что ещё оставалось делать? Наконец, изрядно поцарапанные и усталые, мы выбрались куда-то наверх – и сразу уткнулись в скалу. Мы тыкались туда и сюда, а место было настолько неудобным, что даже остановиться не получалось: всюду бурелом, какие-то дыры и обрывы.

Без конца спотыкаясь и оскальзываясь, я всё-таки вышла на какое-то крошечное подобие полянки и приостановилась. Я знала, что, исполненная отчаянной решимости вырваться из дремучих объятий этого места, двигалась слишком быстро, так что остальные участники едва за мною поспевали. Они постепенно подтягивались. Вскоре до меня донеслось громкое непрекращающееся шмыганье. Одна из девочек, Настя В., плакала. Во время подъёма она ударилась головой, к счастью, не сильно, но я подозревала, что плачет она не только из-за этого.

По правде, мы все были ошарашены от того, где очутились. До этого не раз, конечно, случалось ходить без тропы, но не по крутому склону, заваленному непонятно чем. Можно было подумать, что кто-то приближался в горах и все деревья, когда-либо сваленные ветром и убитые молнией, решил сгрести сюда.

Между тем идти становилось попросту опасно. Пугающее впечатление производили скалы – не маленькие, торчащие из земли, но огромные, необъятные глыбы, теряющиеся из вида за макушками деревьев. Хуже всего то, что было вокруг нас: если посмотреть вниз – страшные скалистые обрывы, заметные, несмотря на буйную растительность.

В какой-то момент я поняла, что перевалить через горный хребет скорее всего не удастся. Может, в одиночку и получилось бы, но вот с группой, одна из участниц которой повредила ногу...

Собравшись все вместе на одном пятачке, мы тихонько сидели, постепенно приходя в себя. Итак, мы забурились и находимся где-то наверху, сами не зная где... в то время как должны были бы сейчас двигаться по прекрасной широченной тропе вдоль реки Имурты, радуясь приближению к последней стоянке, предвкушая уже скорое возвращение домой...

Где-то высоко в ясном небе пролетел вертолёт.

– Заберите нас отсюда, – пробормотала Настя В., глядя вверх.

– А я вот, признаюсь, – сказала Людмила Павловна, – иду и подмечаю места: здесь можно поставить палатку или, например, здесь...

Понятно, готовится на всякий случай к худшему: например, если идти дальше станет окончательно невозможно, все выбьются из сил настолько, что не смогут сделать ни шага обратно.

– Нет, мы, конечно, спустимся, – ответила я. – Сейчас двинемся вниз... И в любом случае палатку надо будет ставить у реки.

– Кстати, слышите грохот впереди внизу? Что-то я сомневаюсь, что Муехта может так реветь.

Сразу забрезжила безумная надежда, что это слышится гул реки, к которой нам нужно было спуститься. Сейчас мы находимся где-то на хребте, разделяющем Имурту и Муехту. Обе реки, стекая вниз параллельно друг другу, впадают в Кубу, а Куба – это, считайте, уже пришли домой. Во всяком случае там у нас назначена на завтра «встреча» с грузовиком.

До чего же надоело ломиться сквозь деревья! Продолжая двигаться вперёд параллельно течению рек, стали спускаться обратно к Муехте и вскоре с чувством облегчения вынырнули из чащи на огромный открытый склон. Почему-то казалось, что идти сразу станет легче, только это была ошибка. Мы буквально тонули в траве, которая была нам по плечи и мешала разглядеть поваленные деревья, попадавшиеся буквально на каждом шагу.

Ноги проваливались неизвестно куда: то в дыры между осклизлыми ветвями, то в глубокие щели меж камнями, и никогда нельзя было предсказать, как глубоко и под каким углом уйдёт вниз ступня.

– Осторожно, здесь дыра, – то и дело предупреждали все друг друга.

«Если кто-то из нас подвернул ногу на плато, где и травы-то почти не было, то как же мы все сможем выбраться целыми и невредимыми отсюда?» – с ужасом подумала я.

Конечно, когда мы сбросили высоту, стало очевидно, что ревела вовсе не Куба, о которой мы все мечтали (да ведь и с самого начала было понятно, что до Кубы ещё очень далеко). Ревела Муехта, но теперь это был вовсе не ручеёк, с обеих сторон поросший короткой травкой. Теперь это был большой страшный поток, с грохотом несущийся вниз и яростно бьющийся о камни. К нему даже приблизиться было страшно, такой могучей силой веяло от этих вод, сметающих всё на своём пути.

Рисунок Васюкова О. Алтай

Когда метрах в десяти от реки мы остановились, чтобы передохнуть, я взяла бутылки, чтобы отправиться за водой, и, кое-как пробравшись к самому берегу, почти оглохла.

– Что у нас на обед? – спросили студенты по моему возвращению.

Я не только не испытывала ни малейшего аппетита, но и вообще думать забыла о еде: мысли были заняты другим. Так что помедлила, прежде чем ответить:

– Ну-у... остатки сала, чёрный хлеб.

Они дружно заагачились.

– Только не сало, надоело уже оно, – надулась вторая Настя.

– Вот именно, давайте уже что-нибудь другое, – поддержал её Паша.

– Тогда иди пожарь картошку с грибами, – съязвила я, не удержавшись.

– Очень смешно, – проворчал Паша, но больше ничего не сказал.

Мы достали остатки хлеба с салом, курагу, грецкие орехи и пару квадратиков шоколада – обед запоздалый и очень скромный. Еды на такие вот «сухие» перекусы почти не осталось, однако встать на ночлег и варить суп было рано, какими бы измученными ни были участники.

А измученными мы были изрядно: помимо того, что у Людмилы Павловны болела нога, каждый к тому времени, полагая, успел получить с десяток синяков в самых разных частях тела. Ныли даже те мышцы, которые никогда в жизни, кажется, не были задействованы. Думая, что спуск будет по Имурте с её двадцатью тремя бродами, я решила не надевать длинные штаны, и трава настолько изжалила и исцарапала мне ноги, что к ним было больно даже прикасаться.

Наверное, все надеялись, что прямо сейчас мы и встанем, раз уж такая плачевная ситуация, но об этом не могло быть и речи. У меня было нехорошее ощущение: за весь сегодняшний день при всех потраченных усилиях мы не столько двигались вперёд, сколько метались по склону вверх и вниз.

«Завтра – возле устья Имурты – нас будет ждать машина», – билась в голове мысль. Мы не могли, просто не могли себе позволить опоздать, потому что без машины сами до лагеря не доберёмся. Технически не сможем, поскольку путь до лагеря способен преодолеть только грузовик.

Итак, теперь было очевидно, что никуда с Муехты нам не деться, а потому самое главное теперь – не оставаться на одном месте больше,

чем это необходимо, никто ведь не знает, сколько ещё придётся спускаться. Да и встать-то было особенно негде: место, где мы сейчас сидели, представляло собою, кстати сказать, небольшое пространство грубо прижатой травы. Такие пространства нам время от времени попадались и даже облегчали путь, но я старалась не думать, откуда они взялись.

Идти было тяжело. Приходилось контролировать каждый шаг, и с каждым шагом нога неловко опускалась куда-то вниз, в невидимое пространство, а с тяжёлым рюкзаком за спиной так легко потерять равновесие. Чуть зазеваешься, расслабишься – и сразу тебя начинает заносить...

Солнце постепенно уходило.

– Лена! – раздался сзади голос Егора, который шёл позади всех. – Тебе не кажется, что можно было бы остановиться здесь?

Я оглянулась. Впервые с тех пор, как ушли на Муехту, нам попало почти что ровное место, укрытое сверху ветвями огромных раскидистых кедров.

– М-да, пожалуй, – согласилась я.

Однако на самом деле останавливаться пока не хотелось, так что после короткого совещания с остальными было решено двигаться дальше. Прошли ещё метров пятьдесят, не больше – кто-то сзади вскрикнул, наверное, ударившись, а сама я в очередной раз чуть не подвернула ногу. Судя по всему, впереди ничего похожего на стоянку не предвиделось, а вот идти стало ещё труднее: большие камни, с опасными щелями между ними, покрытые влажным скользким мхом, попадались всё чаще.

Пора остановиться: весь день участники находились в сильнейшем физическом напряжении, и никто пока ничего себе не сломал только потому, что был предельно сосредоточен. Но теперь, ближе к ночи, внимание ослабло. Одно неверное движение и... нет, не стоит рисковать.

С трудом мы вернулись в укромное местечко, замеченное Егором, и стали разгружать рюкзаки. Никто не выражал отчаяния, никто не выражал облегчения или радости – все участники похода были притихшие. Для похода вроде нашего это было непривычно. Привычный уровень – это когда раздражаешься, если приходится продираться сквозь заросли минут двадцать подряд (если час – мысленно стенаешь и закатываешь глаза), и всё это время с нетерпением ожидаешь тропы. А тут... тут о тропе пока можно просто забыть.

Я собрала все бутылки и опять отправилась за водой. Несмотря на то что рюкзак уже не давил на плечи и маневренность значительно улучшилась, я с трудом нашла выход к воде.

Оглушительно ревущая Муехта, так неохотно подпустившая меня к себе, каскадами спускалась вниз меж огромных валунов. Это было безумно красивое и безумно страшное зрелище, так что к горлу даже подкатывал ком: среди всех этих исполинских скал сама себе я казалась лилипутом, особенно когда набирала воду в свои крошечные бутылочки.

По обе стороны от реки склоны круто уходили вверх, и, может быть, оттого, что мы находились где-то в самой нижней точке, горы вокруг казались поистине громадными.

– Внимание, если у кого-то возникнет идея сходить к реке – почистить зубы, например, – вяло сказала я, вернувшись, – вам следует от этой идеи отказаться.

– Ну а как же быть, если я захочу умыться? – заволновался Паша.

Я чуть не покатилась со смеху. Правда, это был бы немного злой смех.

– Вообще-то пока доберёшься до реки, шею можно сломать.

Однако Паша не сдавался, так что, вылив всю воду в котлы, мы предусмотрительно нагрузили его пустыми бутылками.

– Воду экономим, – предупредила я всех на всякий случай.

От усталости все двигались как в тумане: молча разбирали рюкзаки, ставили палатки, Егор разводил костёр.

Когда после изнурительного походного дня кажется, что ничего не хочешь – только переодеться и, забравшись в спальник, уснуть, – нет ничего на самом деле лучше, чем развести костёр и приготовить горячую еду. Есть в тарелке горячего супа нечто настолько успокаивающее, от чего все тревоги отступают, где бы ты ни находился, нечто хотя бы временно возвращающее нормальность в происходящее.

А ведь мы на самом деле забрались в самую глушь: я слышала, что даже в ту пору, когда по Муехте ещё ходили походники, здесь было видимо-невидимо всякого зверья. Однажды в верховьях реки инструкторы, совершая тренировочный поход, видели двух здоровенных волков. Те, правда, не проявили тогда к путешествующим ни малейшего интереса.

Зверья на самом деле хватает везде – не зря ведь даже на широко протоптанных тропах попадаются и медвежьи когтистые следы, и медвежьи «продукты жизнедеятельности», как деликатно выразился Егор.

Что же говорить о Муехте? Учитывая, что по соседним рекам активно ходили и пешие, и конники, для диких животных, особенно крупных, самое милое дело было уйти в этот славный, не тревожимый никем уголок. Кроме того, отчего-то у меня было ощущение, что именно сейчас мы находимся в какой-то самой глухой его части.

Однако я поняла, что у меня уже просто не остаётся сил на то, чтобы бояться: неужели недостаточно мы намучились, чтобы ночью сюда, скажем, притаился медведь? Нет, после всего это было бы уже слишком. Да и чтобы беспокоиться ещё и об этом, тут просто нервов никаких не хватит.

Однако, забираясь после ужина в палатку, я подумала: «Ни за что отсюда не вылезу ночью. Если что, у нас есть тамбур...» Глупо, конечно, думать, будто стены палатки могут защитить, но, укрывшись за ними и забравшись в уютные спальники, мы были словно маленькие дети, которые, закрыв ладошками лицо, думают, будто спрятались ото всех.

Ночью я проснулась и не могла уснуть несколько часов: Муехта гудела над самым ухом, как электричка. Я подумала о том, что теперь, в темноте, к нам могут прийти на запах еды дикие звери и, странное дело, не испугалась. М-да, в детстве боишься каких-то волков под кроватью, воображаешь себе невесть что, а тут вдруг всё на самом деле...

Правда, летом, говорят, звери сытые и ленивые. «По фигу», – вскоре подумала я, потому что гораздо больше мучилась другим. Если посмотреть на карту, расстояние до Кубы кажется небольшим. С другой стороны, вспоминаешь, что по Имурте, по длине примерно равной Муехте, спускаться три четверти дня, ну половину, если вприпрыжку. По прекрасной ровной тропе, почти как по Красному проспекту...

Я вспомнила, с какой скоростью мы сейчас шли, и ужаснулась. Потом напомнила себе, что много времени мы потеряли, сначала набирая, а потом теряя высоту... но даже под конец, идя уже вдоль русла реки, мы ползли как улитки. Ясно одно: не имеет никакого смысла метаться вверх и вниз, нужно просто идти прямо, прямо и прямо.

Я стала гадать, сколько же придётся идти даже прямо: как известно, по карте может казаться одно, а в реальности... Я ворочалась и гадала

до посинения, то замирая от ужаса при мысли, что завтра к четырём часам дня мы можем не успеть, то успокаивая себя, что в любом случае мы постараемся идти так быстро, как только возможно. Разве сегодня мы не преодолели значительное расстояние? Нет, не преодолели, но, во всяком случае, хоть как-то ушли вниз. И разве может быть такое, что мы не доберёмся, пусть хотя бы к вечеру (машина подождёт), до пункта назначения?

Не добрались. Не успели. Сутки спустя мы всё ещё спускались: Муехта тянулась и тянулась дальше вниз, а уже начинало темнеть.

- Лена, - тихо сказала Людмила Павловна, - надо вставать.

- Да, - покорно ответила я.

Надо оставаться реалистами: пусть нам последние несколько часов казалось, будто мы «уже близко», нельзя идти ночью. Восемь часов, даже если машина всё ещё ждёт, до неё нам не дойти. Нельзя подвергать группу таким испытаниям. Мы ведь ничего не ели весь день, ни о каком перекусе даже не думали, просто отчаянно пытались успеть спуститься.

Мои благие намерения идти вдоль русла реки, не уходя вверх, были ошибочны с самого начала: наскоро позавтракав и пройдя небольшое расстояние, мы тут же вынуждены были подняться, так как впереди путь преграждала скала. Поднимались не меньше часа, я ничего не могла с собой поделаться и рвалась вверх, словно в поисках глотка воздуха. Наверное, оттого, что наверху открывался хоть какой-то вид, казалось, что там идти легче, чем по самому низу.

Двигаться ровно в нужном направлении с мало-мальской скоростью начали мы ещё час спустя, поскольку нужно было каким-то образом перебраться через скалы. Глядя вдаль, я всё гадала: где же, наконец, заканчивается Муехта? Судя по рельефу гор, дальше она, извиваясь, вилась вправо и влево, а вот ничего похожего на Кубу впереди пока не прослеживалось.

Машина, наверное, подъехала уже. Водитель, договариваясь с походниками, имел обыкновение приезжать на пункт назначения пораньше, чтобы порыбачить.

- Значит, Галечка сейчас в Москве, а я на полу в Ленинграде? - неожиданно процитировала Людмила Павловна фразу из «Иронии судьбы», когда мы после долгой борьбы с колючими кустами в изнеможении опустили на землю, чтобы отдохнуть.

- Да-а... - вздохнул Егор.

Рисунок Шкурина Г. Алтай

Постепенно мы вновь стали терять высоту, пока не вышли на большую каменную осыпь. Медленно, змейкой, стали спускаться по ней: самое главное, чтобы все шли друг за другом и, когда двигались вниз, не оказывались друг *над* другом.

Когда я стояла уже в самом низу осыпи, то услышала вопль: по осыпи, как в замедленной съёмке, со стуком подпрыгивая и переворачиваясь, распространяя вокруг себя клубы пыли, летел здоровенный бульжник. Я рванулась в сторону и до крови ободрала колено, ударившись обо что-то острое. Не долетев до меня, бульжник остановился.

– Давайте посидим, – сказал кто-то, когда все спустились. Не доходя до реки, в каком-то ручейке мы набрали воды и уселись на рюкзаки.

– Три часа дня, – сообщил Егор.

Поскольку берег реки стал более или менее пологим, вновь появилась возможность идти понизу. Пока все отдыхали, я вышла к реке посмотреть, где может быть удобнее идти. Пройдя чуть вперёд и обернувшись, я замерла, увидев нечто вроде укромной хижины с большущим отверстием, так что в ней можно было спрятаться, как в домике...

В следующее мгновение меня оттуда как ветром дуло.

– Мы ближе к реке не пойдём, – пролепетала я и стала поспешно надевать рюкзак. – Лучше другим путём... Ну что, двинемся дальше, вы же отдохнули?..

Хоть и большей частью понизу, шли мы по-прежнему медленно, осторожно выбирая, куда ставить ногу, продираясь сквозь кусты, карабкаясь, нагибаясь... Если сначала казалось ещё, что успеть к машине получится, постепенно меня стали охватывать сомнения. Как успеть, если и двадцати метров пройти не можешь, какой-нибудь очередной сюрприз? Вот мы, только обрадовавшись, что наконец удалось чуть ускорить шаг, останавливаемся снова: путь преграждает скала, на этот раз, к счастью, маленькая.

Чтобы через неё перебраться, нужно снять рюкзак. Сначала мы с Пашей перетащили все рюкзаки наверх, затем кое-как, подтягиваясь и цепляясь за каждую травинку, за каждый корешок, по очереди через скалу перебрались все участники. Полчаса потерянного времени. И вот такие акробатические упражнения целый день, будто попали на нескончаемый урок гимнастики. Только вот большей частью гимнастикой приходится заниматься, всё-таки не снимая рюкзаки.

– Четыре часа, – тихо сказал Егор.

– Только не паникуйте, темп не увеличивайте, – попросила я всех.
Пять часов. Половина шестого.

– А что будет, если машина уедет? – наседали на меня студенты.
Я не знала, что ответить.

Примерно через час мы снова упёрлись в скалу. На этот раз нужно было вскарабкаться наверх и пролезть над обрывчиком, под которым Муехта, основной поток пронося мимо, образовывала некое подобие глубокой заводи. Вода в этой огромной заводи, при пасмурном небе казавшаяся почти чёрной, недоброжелательно бурлила и кипела, словно гигантский ведьминский котёл. Зрелище было то ещё, и я со злостью подумала: как будто нам без этого мало впечатлений.

– Я не пролезу там, – обречённо сообщила Людмила Павловна.

– Тогда остаётся просто перейти вброд.

Как ни странно, выше нам удалось отыскать более или менее нормальную переправу: течение было по-прежнему очень сильным, зато можно было перебираться по камням. Оказавшись на другом берегу, мы сразу повеселели: как-то и поваленных деревьев стало меньше, и камней всяких под ногами. Почти что ровная местность, поросшая почти что короткой травой – ну хотя бы не по шею...

– Мы где-то близко к Кубе, – снова стали говорить мы друг другу.

Очевидно, что теперь мы действительно были значительно ближе к устью Муехты, поскольку нам попадались растения, наверху обычно не растущие.

– Восемь часов, – сказал Егор.

– Если до девяти не придём, то встанем, – пообещала я.

Не пришли. Встали. Полный провал.

– Представляю, как в лагере сейчас они волнуются! – воскликнула Людмила Павловна. Несмотря на сложившуюся ситуацию и то, что её повреждённая нога подверглась таким испытаниям, от которых я, наоборот, хотела когда-то её избавить, Людмила Павловна не теряла привычного присутствия духа.

– А инструктору бы нашему не помешало сейчас валерьяночки накапать, – лукаво добавила она.

Я была рада, что она понимает моё состояние. Как бы плохо всем ни было, морально хуже, чем инструктору, им всё равно не могло быть. Группа могла меня ненавидеть, только в этом не было совершенно никакой необходимости.

Я знала: скорее всего ночью не буду спать снова.

– Лена, мы будем разводить костёр? – раздался из соседней палатки голос Егора.

– Если вы к этому готовы, сейчас присоединюсь к вам, – отозвалась я.

Что бы мы делали без Егора – нашего главного кострового?

Наверное, странно описывать события похода, не представив при этом его участников. К счастью, нас немного, и почти все – походники с опытом. Во-первых, конечно, Людмила Павловна, преподаватель того же университета, где работаю я и где учатся наши студенты. Она среди нас самый опытный походник.

С Людмилой Павловной дочь восемнадцати лет, Надя. Даже по Мухе она пробирается с мечтательным видом, словно в это самое время пребывает в каких-то иных сферах, причём куда более приятных. Надя флегматичная, худощавая и, кажется, обладает способностью гнуться во все стороны, что очень иногда помогает.

Дальше студенты: Паша и две Насти. Наверное, хотя бы одну из Насть следовало бы назвать в рассказе по-другому, чтобы не путать, но ведь тогда была бы потеряна вся симметрия.

Они ведут себя очень скромно и сдержанно, только иногда препираются между собой полущёпотом, будто находятся в библиотеке: обычно одна из Насть вполголоса делает Паше из-за чего-нибудь замечание или шикает на него, а он оправдывается, тоже вполголоса. Паша кажется смертельно серьёзным и, нервничая, задаёт мне всякие вопросы, что действует на нервы обеим Настям.

Частенько ругаются, но неразлучны. Мне потребовалось немало времени, чтобы понять, с которой именно Настей Паша встречается, поскольку всюду они ходят втроём. Наконец выяснилось, что с Настей К.

Егор, плотный здоровячок, лет на десять младше Людмилы Павловны, в горах в первый раз. Ходить по дикой местности для него, однако, не в новинку: на второй вечер нашего похода, когда мы сидели у костра, Егор рассказал, что регулярно бывает в экспедициях по извлечению останков солдат, погибших в Ленинградской области в Великую Отечественную войну.

Когда-то эти останки попросту сгребли в кучи и закопали в воронках, оставшихся от снарядов, теперь в те места отправляются экспедиции добровольцев. Иногда, найдя смертный медальон, удаётся

опознать личность погибшего и даже сообщить его родственникам, но, конечно, далеко не всегда. Так или иначе, извлечённые останки будут перезахоронены в братской могиле уже по всем правилам, будет отпевание.

Я всегда считала, что, хотя некоторые из нас не верят, будто покойникам не всё равно, сами-то покойники могут считать по-другому. Иначе отчего тогда некоторые из них приходят к нам во сне?

Егор рассказал, что однажды в экспедиции ему приснился солдат, который сказал, что его родственников искать не нужно, потому что они все уже умерли. Найдите лучше, говорит, родственников моего товарища... Сразу после этого были обнаружены останки двух солдат, личности обоих неизвестны. Но у одного из них с собой была странная коробочка, в которой, как оказалась впоследствии, хранились рисовальные принадлежности.

Много лет в эти места ездила одна старушка – на тот момент ей было уже за восемьдесят. Она искала своего отца, художника. Она подтвердила, что второй солдат и есть её отец, узнав его не только по коробочке, но и по особенностям строения скелета, поскольку это был человек явно огромного роста.

– Я знаю, это он, – с уверенностью сказала старушка и больше не приезжала.

– Вот такое совпадение, – сказал Егор. – Если это, конечно, совпадение. Вряд ли. Участникам экспедиции часто снятся солдаты.

– Жаль, что об этих экспедициях мало кто знает, – сказала я.

Не знаю, повезло ли Егору или нет, что его первый поход в горы оказался нестандартным с самого начала.

Своё путешествие мы начали с реки Кубы, уже упомянутой ранее, к ней же мы должны были и спуститься. Когда-то вверх по Кубе была проложена широкая дорога, оттуда часто начинали маршрут походники. Если посмотреть на карту, то видно, как восемнадцатью километрами выше устья реки Кубы в неё перпендикулярно впадает Имурта, километр спустя – Муехта, ещё через два километра – река Сергезю.

По одной из этих рек и начинают восхождение: длинный пологий подъём по Имурте любят конники, пешие предпочитают Сергезю: подъём по ней резче, зато короче. Вернее, предпочитали. Несколько лет назад все кубинские мосты были снесены поднявшимися весной водами, а отдельные куски дороги вдоль Кубы попросту смыло. Пешком

теперь путь по Кубе было не одолеть. Легковые машины тоже, конечно, больше не ездили, и только ГАЗ очень медленно и с большой натугой, то и дело пересекая Кубу вброд, мог добраться до Имурты.

После этого кубинская дорога, вернее, то, что от неё осталось, продолжала ещё больше подмываться водами. До Сергезю, с которой мы собирались подниматься, пришлось в этот раз добираться верхами по конной тропе.

На второй день на перевале Людмила Павловна подвернула ногу, так что наши походные планы пришлось полностью изменить. Было решено встать возле Замков злых духов и оттуда делать радиальные выходы, например на Караколы.

С Каракольскими озёрами тоже получилось своеобразно: мы решили спуститься к самому верхнему озеру прямо через цирк озера, по крутой осыпи. Вид сверху был, по правде говоря, угрожающий, сразу начинала кружиться голова, и группа проходящих мимо пешех предупредила, обращаясь ко мне и Наде с Настей В. и Настей К.:

– Девушки, пожалейте свои юные конечности, они же потеряют свой товарный вид.

Паша, узнав об идее нырнуть прямо в цирк, страшно возмущился и стал доказывать, что это невозможно. Остальные столь категорично настроены не были. Паша, однако, сопротивлялся и мотал головой, скрестив руки на груди и, словно загипнотизированный, глядя вниз.

– Типичный Паша, – вспыхнула Настя В.

– Что «типичный Паша»? Что «типичный Паша»? – огрызнулся он и, повернувшись ко всем спиной, пошёл назад. Затем остановился.

– У меня брат на крышу двухэтажного дома и то со страховкой лазает! – заявил он. И... первым стал пускаться вниз, кстати сказать, достаточно ловко.

Вернулись мы с Каракол только в девять вечера. Нас ждал полыхающий костёр, горячая уха с чёрным хлебом и чесноком, а ещё густой морс из красной смородины, собранной накануне, – всё было заботливо приготовлено Людмилой Павловной.

На следующий день недалеко от нас остановилась группа пешех – двадцать пять человек. Наверняка они были сердиты: ведь мы, семь человек, заняли огромную и совершенно шикарную стоянку, тогда как им досталось место похуже.

Насколько нам было известно, раньше каждое лето стоянку, на которой устроились мы, занимали какие-то сектанты. Здесь они разбивали свой лагерь и занимались некими духовными практиками. Но в этом году их не было.

А за день до того, как должны были сняться с Замков и отправиться вниз, мы, сидя у вечернего костра, услышали странный рокот: распространяя резкий запах бензина, на нашу стоянку въехал квадроцикл. Мы вытаращили глаза. После чего увидели, как к нам приближаются ещё восемь квадроциклов. Студенты зароптали.

– Мы сюда пришли, чтобы, наоборот, побыть в одиночестве, покоем насладиться, – сказала Настя К. – А тут уже целое столпотворение!

Действительно, не припомню, чтобы в одном месте собиралась такая толпа, как сейчас, а тем более чтобы в горах парковались квадроциклы, целых девять штук!

Собираясь в дорогу следующим утром, квадроциклисты врубили на полную громкость музыку:

Нить в прошлое порву,
И дальше – будь что будет.
Из монотонных будней
Я тихо уплыву
На маленьком плоту,
Лишь в дом проникнет полночь.
Мир, новых красок полный,
Я, быть может, обрету.

Не знаю, как насчёт остальных, но у меня эта известная песня, неожиданно раздавшаяся в горах, вызвала смешанные чувства.

– У Лозы всегда песни такие... немножечко философские, символические, – сказала Людмила Павловна, изобразив замысловатый жест. – Наполненные особым смыслом.

Позже, когда мы спускались по Муехте, да и впоследствии, я не раз вспоминала эту сцену: мы в последний день возле Замков слушаем музыку и одновременно наблюдаем за квадроциклистами, а Людмила Павловна говорит, что у Лозы песни всегда немного символические. Что-то было в этом воспоминании вызывавшее грусть и беспокойство. Может, из-за того, что нас ожидало на следующий день, и из-за того,

что квадроциклисты были уже дома в то время, когда мы корячились на Муехте. Для нас в этой песне оказалось нечто не только символическое, но и... пророческое, что ли.

Уезжая, квадроциклисты попросили нас сжечь за ними мусор, а в благодарность вручили булку белого хлеба, мешок свежесобранных грибов и, самое главное, два здоровенных куска сала.

«Всё у нас идёт как-то странно, – подумала я. – Не по плану». При виде сала Егор впал в эйфорию, тем более что сало оказалось великолепным. До этого он не проявлял особого интереса к еде: съест чуток того, чуток этого, от шоколада вообще отказывается. Мяса у нас с собою практически не было, только две банки тушёнки, да там один жир и вода, ничего вкусного.

– О, Егор *ест*, – заметила Людмила Павловна.

– Вот она, настоящая еда, – провозгласил Егор, ушлетая бутерброд с салом. – Не то что эта ваша кашка со сгущёнкой.

Может показаться непонятным, почему я тут рассуждаю о покойниках и о песнях. Но в горах, наедине с природой, всё поддётся контролю лишь до определённой степени, в том числе и эмоции.

С точки зрения многих, то, с чем мы столкнулись, – сушая ерунда, пустяки, если вспомнить об опасных по-настоящему походах, где погибали люди. Альпинисты... попав под лавину, сорвавшись со скалы...

У нас сейчас лето, тепло, вместо снега зелёная трава... Скажите, пожалуйста, сбились с тропы, попали в бурелом – экие страдальцы.

Но я инструктор и не могу не переживать всё по-своему: и дело даже не только в том, что из-за меня мы не пришли в лагерь вовремя и, должно быть, перепугали тех, кто нас ждал. Меня раздирает чувство вины оттого, что мы, вместо того чтобы вернуться, когда поняли, что находимся на Муехте, пошли вниз дальше. Но кто же знал, какой будет расплата за эту ошибку?

Я думала, идти будет попросту неприятно, как всегда бывает неприятно идти без тропы, но чтобы вот так застрять... бесконечно наткаться на преграды и ломать голову, что будет лучше, вскарабкаться наверх или перебраться вброд, теряя драгоценные часы...

А ещё говорят: любая трагедия – это не случайность и, кроме того, не одна ошибка, а целый ряд последовательно совершённых ошибок.

Итак, с самого начала мы полностью изменили маршрут: остановились и провели несколько дней там, где вообще не планировали,

на Замках, решили спускаться по реке, по которой не планировали спускаться, по Имурте, и в итоге вовсе очутились там, куда *точно* идти не планировали.

Всё, что было до Муехты, – не ошибки, мы ведь просто приспособились к меняющимся обстоятельствам. Ну не идти же дальше, если человек ногу подвернул? Однако то, что постоянно приходится менять планы, усиливает ощущение, что ничто на самом деле не поддаётся твоему контролю – на самом деле всё решает кто-то другой.

Иногда кажется, будто существуют какие-то сознательные силы зла, готовящие заговор, и противостоять им практически бесполезно. На протяжении всего спуска по Муехте кажется, что эти силы – в виде некой незаметной тени – незаметно следуют за нами и словно раздумывают, пустить нас или нет. А может, потирают они ручки, забавляются: один щелчок пальцами – и этих людишек сотрёт с лица Земли стихия.

Надо заметить, меня ещё постоянно мучил страх, что кто-нибудь упадёт и сломает себе что-нибудь... А когда мы пробирались по осыпи и вниз летел тот бульжник...

В минуты, когда мобилизация сил не требовалась и можно было немного поразмыслить, меня против воли охватывала тоска и чувство обречённости. То есть я по-прежнему ломилась впереди всех, с невозмутимым видом прокладывая дорогу, но не могла избавиться от всяких мыслей. Примерно за несколько недель до похода я задумалась над тем, что осенью мне должно исполниться двадцать пять лет. Двадцать пять лет – это четверть века, может, не очень большая, но значительная часть жизни.

Двадцать, двадцать один и так далее, что были до этого, ерунда, это не двадцать пять. Я ещё тогда подумала, что моей подруге, с которой вот уже несколько месяцев мы не общались, скоро исполняется столько же. Неужели все наши обиды и недоразумения значат что-то по сравнению с этим? С каким чувством мы встретим свои двадцать пять лет? Что на момент этого события мы преуспели в своей жизни преимущественно в мелких обидах?

И вот теперь мы в этом богом забытом месте, из которого, может быть, никогда не выберемся (здравый смысл возражал против этого, но где-то глубоко во мне сидел животный страх), а она где-то в городе, и даже не знает, какая всё ерунда, совершенно ничего не стоящая.

Рисунок Шкурина Г. Горная идиллия

В тот вечер, когда мы, не успев на машину, остановились, все, как и накануне, казались ошеломлёнными и просто молча делали то, что полагалось делать: раскладывали палатки, доставали вещи, переодевались. Наверное, мы были настолько измотаны спуском и сменяющимися друг друга чувствами, что теперь ощущалась некая притупленность восприятия.

Первая моя мысль: кажется, мы действительно на этот раз где-то близко к Кубе – впервые за столько времени. Тропы, правда, нет, но зато чуть ли не ровная земля и славная пушистая травка... как в каком-то обычном лесу. Мы находимся почти что в цивилизованном месте. Кажется, дикий и крутой, местами почти непроходимый спуск – позади.

Несмотря на всю критичность ситуации, именно в тот момент в первую очередь я испытывала не чувства инструктора, но обычного человека, радующегося избавлению. На какое-то время я стала просто одним из участников похода, наравне с остальными испытывающим неопределённость, мучимым животным страхом и радующимся возможности встать на ночлег. Как и в прошлый вечер, огонь занялся почти мгновенно. Весь поход с костром у нас были проблемы, приходилось постоянно чем-то перед ним размахивать, а здесь, на Муехте, он горел сам.

– Должно быть, дождя очень давно здесь не было, – заметил Егор. – Дрова сухие-пресухие. И дует сквозь ущелье, прямо как сквозь трубу.

Ужинали уже в темноте гречкой с молоком (развели подвернувшуюся первой под руку сгущёнку) и хлебом, запивали привычно чаем с лимоном и сахаром.

Людмила Павловна с Надеей первыми отправились в палатку, но в темноте никак не могли найти дорогу: они постоянно натыкались на какой-то куст, и это отчего-то вызвало у остальных всплеск бурного веселья. Правда, сидя у костра и пытаясь оттуда осветить им дорогу своими фонариками, все чуть ли не рыдали от смеха.

Вскоре я поднялась и обнаружила, что от усталости и сытости шатаюсь, как пьяная: направившись в сторону палатки, в темноте я уткнулась в тот же куст и долго с ним боролась. Пытаясь устроиться в палатке поуютнее, я подумала мрачно: вот теперь точно «как же так, Галечка в Москве, а я на полу в Ленинграде?». Вернее, следовало сказать: «Как же так, машина в Чемале, а я в спальнике на Муехте?»

Начинал накрапывать дождь.

– Сколько времени? – было первое, что я спросила, открыв глаза.

– Половина седьмого, – ответила Людмила Павловна, скосив глаза на свои наручные часы.

Больше всего хотелось, выскочив из палатки, идти расталкивать остальных, чтобы как можно раньше собрать все вещи и отправиться дальше – и бежать, бежать с рюкзаками до самой Кубы...

Но шёл дождь, и Людмила Павловна резонно заметила:

– Пока он не кончится, не имеет смысла куда-то рваться.

– Подождём, – согласилась я: в конце концов, ещё нет и семи.

Прошёл час, дождь продолжал лить.

– Не может же он длиться до бесконечности, – успокаивала меня Людмила Павловна.

– Почему до бесконечности?

– Он идёт с самого вечера, почти десять часов подряд. И всю ночь не прекращался.

В начале девятого он не прекратился. Наконец, я не выдержала и вылезла из палатки: кажется, придётся принимать непопулярное решение. В такое утро даже мне была невероятно противна мысль о том, чтобы собирать вещи и сворачивать палатки. Но что ещё оставалось? Я собственноручно отнесла «соседям» – Егору, Паше, Насте В. и Насте К. – хлеб и сгущёнку (это единственное, что осталось на сухой завтрак) и сообщила, что придётся сначала собрать рюкзаки прямо в палатках, а потом сложить и сами палатки прямо под дождём.

К счастью, было хоть и мокро, но не холодно, а мысль, что чем скорее мы уйдём отсюда, тем скорее выйдем к Кубе, бодрила, по крайней мере меня.

– Видно, что этот берег скоро обрывается и заканчивается скалами, – сказал Егор, взглядываясь вдаль.

– Да, так что прямо сейчас перейдём вброд снова на тот берег, там есть, где идти, – ответила я.

Оказалось, что за ночь Муехта поднялась до такой степени, что переходить её по одиночке было нельзя.

Сцепившись, мы пересекли её по очереди тройкой и четвёркой. По правде говоря, было немного не по себе, поскольку вода доходила до пояса: хорошо, что именно в том месте она была довольно спокойной. Правый берег не стал приятнее: снова бурелом и камни под ногами, но хотя бы идём мы не по склону, скособочившись, а по ровной земле.

И в любом случае двигаемся быстрее, чем вчера... А вот за тем поворотом должна быть и Куба.

Река вильнула, но, как выяснилось, в Кубу впадать она пока не собиралась и продолжала свой путь вниз. Кроме того, обнаружилось, что берег заканчивается теперь с этой стороны, упираясь в отвесную стену, и нужно снова перебираться через реку.

Мы отыскивали, как нам казалось, наиболее безопасное место и, сцепившись, перебрались обратно на левый берег. Ещё полчаса, река поворачивает, обрывается левый берег – и снова ищем брод.

Меня постепенно охватывали дурные предчувствия. Сколько ещё таких бродов? Пока речку пересекать удаётся, но с каким трудом: всякий раз кажется, будто ещё чуть-чуть, и течение собьёт кого-нибудь. «Наиболее реальную опасность в походах представляют броды», – послушно всплывает в голове строчка из инструкции по безопасности.

Вот опять мы переходим на правый берег. Он кажется таким широким, уж, наверное, больше обрываться не будет... Но почему река не кончается? Почему поворачивает снова и снова? Судя по карте, мы должны были уже прийти...

Я вдруг заметила, что нас окружают деревья, странным образом поросшие белым мхом, который оплетал их и свисал до самой земли. Нигде возле Кубы таких деревьев не было... А что (какая страшная мысль!) если мы идём вовсе не по Муехте, а вообще по какой-то неизвестной реке в ложном направлении?

Наверное, никогда ещё за весь поход я не была *так* напугана... Но тут правый берег оборвался, прервав на время мрачные мысли. На сей раз найти нормальный брод оказалось очень трудно, но выбора у нас не оставалось.

Мы переходили реку медленнее, чем в прошлый раз, иногда просто застревая на одном месте, судорожно обхватив друг друга за шею и вцепившись в ляжки ближайших рюкзаков: течение сносило ногу всякий раз, когда кто-нибудь из нас пытался шагнуть вперёд.

Я, Паша, Настя В. и Настя К.

Наблюдать за тем, как переходит оставшаяся тройка, было хуже, чем переходить самим. Мы смотрели на них расширенными глазами и протягивали руки, чтобы они, как только приблизятся к нам, смогли ухватиться.

Егор, Людмила Павловна, Надя.

Выбрались.

Теперь левый берег, на котором мы находились, представлял собой огромный косогор, так что пришлось немного набрать высоту, чтобы не идти по самой низине.

Сверху была видна сплошная жуткая стена отвесных скал на той стороне реки. Господи, ну почему такие ненавистные места могут быть такими красивыми?

Больше всего я боялась, что левая сторона реки тоже превратится в такую стену, и тогда мы вообще не сможем никуда пройти. Но левый берег радовал: мы с самого начала заметили, что он приятнее правого, не досаждал нам ничем особенно противным, только травы было по пояс.

Через некоторое время вдруг показалось, что мы вышли на тропу. Нет, глупости. Нам уже такое мерещилось и раньше... Однако постепенно она становилась более отчётливой. Тропа впервые за два дня, и трава такая гладкая и шелковистая, что прямо слёзы на глаза наворачиваются.

– Может, это тропа хищного зверя, чтобы заманить нас в своё логово? – предположил Паша.

Однако, обернувшись, я увидела, что он улыбается, по крайней мере глазами. Наверное, боится сглазить. Склон стал уходить куда-то влево, и влево повернула тропа, а прямо перед нами далеко внизу...

Да, она – широкая, голубовато-серебристая Куба.

– Уж не знаю, что делать. Я, конечно, переделалась в то сухое, что оставалось, но вот мокрое исподнее всё портит, – ворчала Людмила Павловна, отодвигая вещи в уголок палатки.

– Это правда, – согласилась я, вся дрожа от холода в своём спальнике.

Тут должна сказать, что когда мы пришли на место встречи с грузовиком возле устья Имурты – в два часа дня, почти на сутки, получается, позже, чем договаривались с водителем, – дождь, занявшийся накануне и задержавший нас утром, *всё ещё лил*.

Накидки мы надеть не пожелали, очень уж они затруднили бы путь. А поскольку вода в реке во время брода иногда была по грудь, ни одной сухой нитки на нас не осталось. Наверное, всем было без разницы, поскольку каждый ведь надеялся уже на окончание путешествия.

– Самое логичное, что должны были предположить в лагере, когда грузовик вернулся пустым, что мы попросту не успели к пункту назначения, – рассуждала я вслух. – Несколько лет назад мы бы просто пошли

по дороге пешком и добрались до лагеря самостоятельно, но теперь дорога смыта, а потому они снова должны послать за нами грузовик.

– То есть ты считаешь, что сегодня его пришлют за нами снова, – сказал Паша.

– Да, в то же место, к тому же времени.

Палатки, разумеется, мы всё равно поставили, чтобы переодеться, чтобы спрятаться наконец от дождя. М-да, кто бы знал: оказывается, если на вас всё сухое, а, простите, трусы мокрые, согреться становится практически невозможно... Ещё у меня было ощущение, будто я только что вымыла голову – во всяком случае, выжимать волосы пришлось раз десять.

Всем раздали остатки кураги, орехов и шоколада, но я ни к чему не притронулась, поскольку слишком была напряжена: каждую секунду прислушивалась, готовая услышать рокот машины. В три часа дня она не приехала... надо подождать до четырёх, успокаивала я себя. На некоторое время задремала – и каким мучительным оказалось пробуждение! Открыть глаза и обнаружить, что мы всё ещё на Имурте, что поход не окончился.

Испытать такое облегчение, расставшись с Мухтой, и прийти к месту назначения, пустому и печальному, где нас никто не ждёт. Я поняла, что, выйдя к Кубе, подсознательно мы все, наверное, ожидали, что на устье Имурты нас будет ждать машина – и тогда бы все переживания, длившиеся последние два дня, закончились. Если машины нет, значит, в лагере по-прежнему не уверены, где мы. Может, они думают, будто мы вообще находимся в другом месте и доберёмся сами – ждут. Хуже всего, что они сейчас в полной неизвестности и могут вообразить себе любые ужасы.

Мы здесь, на Имурте, целые и невредимые, но они этого не знают и мучаются.

В половине пятого я выползла из палатки и предприняла несколько попыток раздобыть подходящее топливо, чтобы помочь Егору, колдовавшему над костром. Обычно можно отыскать сухую хвою, если глубоко засунуть руку под корни кедра: однако, оказалось, всё вокруг буквально пропиталось водой. Я бросила свои попытки и вместо этого обратилась к Паше:

– Пошли попробуем пройти четыре километра в сторону лагеря, до кордона, а там конная база, они нам, глядишь, как-нибудь помогут.

– Или хотя бы связь появится, – согласился Паша.

Было очень неприятно снова надевать мокрые кроссовки и куда-то тащиться, да и это оказалось бесполезным. И в обычное время переходить вброд Кубу опасно, а теперь из-за дождей она разлилась ещё больше. Проползав какое-то время по склону в попытке добраться до кордона верхами, мы, облепленные колючками, вернулись, констатируя:

– Бесполезно.

– Что ж, теперь мы знаем, что нужно оставаться на месте и ждать, – сказала Людмила Павловна.

Глупо ударяться в панику. Да, вовремя мы в лагерь не вернулись, однако контрольный срок – 24:00 сегодняшнего дня. Им неизвестно, где мы находимся. Отправят машину сюда, а окажется, что в это время мы, скажем, спускаемся к Элекмонару...

Просто так до устья Имурты не скатаешься: это стоит больших денег, да и машину впору пожалеть. Стоит только посмотреть, как страшно ГАЗ бьётся и царапается о камни, пересекая Кубу, с какой натугой, рискованно кренясь, двигается по тому, что когда-то было дорогой... тут задумаешься, ехать или разумнее выждать. Но почему-то в тот день такие мысли просто не приходили в голову или приходили, но не имели на меня никакого действия.

Со вчерашнего вечера и до сих пор те, кто в лагере, пребывают в неизвестности, и постепенно она должна причинять всё больше страданий. Что если в приступе безумной тревоги они вообще отправятся нас искать в совершенно другое место? Нервное напряжение, скопившееся за последние дни, вместо того чтобы отступить, достигло пика. Я снова вскочила.

– Схожу, наверное, на Сергезю.

Участники посмотрели на меня странно: они не понимали, как после такого дня можно хотеть ещё куда-то идти.

– У нас ничего на ужин не осталось, кроме лапши, – сказала я. – А мы ведь спрятали там консервы в первый день. Думали, что спускаться будем так же.

– Сейчас семь часов, – озабоченно посмотрев на часы, сказал Егор.

– Отсюда три километра.

– Успеешь?

– Да тут ведь совсем рядом.

И я буквально бросилась бежать по дороге, на этот раз в обратную от кордона сторону – к тому месту, где мы начинали свой подъём.

Честно говоря, я совсем забыла про Муехту, которую нам не далее как сегодня пришлось переходить в связке. «Ничего, здесь поспокойнее, одна справлюсь...» – я уже яростно пересекала знакомую речку. Каких-то полминуты борьбы с течением – и вновь бегу вперёд по обходной тропе (буквально взмываю вверх по склону, и Куба оказывается далеко внизу), а затем спустя километр плавно спускаюсь.

Замедлив ход, двигаюсь вдоль Кубы дальше. Начинает смеркаться, а Сергезю не видно. Меня смущает, что приходится так долго идти. Готова повернуть назад, но наконец знакомый поворот налево – начало подъёма.

Несмотря на то что, поднимаясь в первый день, мы чуть примяли траву, всё равно её было здесь слишком много. Отыскав стоянку и наш тайник под камнем (на самом деле здесь явно никто больше не появлялся этим летом, и продукты можно было не прятать), я побросала консервные банки в пакет, предусмотрительно взятый с собой, и поспешила назад.

Темнело с какой-то пугающей быстротой, и я чувствовала себя всё более неуютно в одиночестве, на заброшенной, можно сказать, дороге. То и дело я зачем-то останавливалась и оглядывалась назад, будто кто-то мог наблюдать за мной. Любое чёрное пятно в гуще листвы и в переплетении ветвей, нависающих над дорогой и не пропускающих остатки света, наводило на мысли о притаившемся хищнике.

Затем я принималась бежать что было сил, но ноги уже плохо слушались. Было очевидно, что я на пределе, тем более что в последний раз ела в девять утра, ещё на Муехте, и это был крохотный бутербродик из чёрного хлеба со сгущёнкой...

Последние дни я со всеми этими переживаниями вообще не думала о еде и ела вместе со всеми исключительно потому, что так полагалось. Разумеется, когда нам вообще выпадала возможность поесть... Живот за это время, как я только сейчас обнаружила, успел втянуться глубоко внутрь, и это было нехорошее, тревожное ощущение.

Я шла очень долго, пока не обнаружила поворот направо, но это была не обходная тропа верхами, а выезд на широкую ровную поляну с отметинами шин. Странно, не помню такого...

Свернув на поляну, я увидела избушку, с виду заброшенную. В сумерках она казалась чёрной, но ещё чернее были провалы в тех местах, где должны были окна. Я кинулась назад, сама себе напоминая маленького спугнутого зверька.

«Должно быть, в сумерках пропустила поворот на обходную тропу и вот теперь оказалась здесь. Что ж, пойду низом, по основной дороге». Но не просто так конники проложили обходную тропу. Иначе они так и продолжали бы спокойно ездить понизу, как делали до этого много лет. Не прошло и десяти минут, как дорога передо мной оборвалась – должно быть, этот кусок смыло весной...

Я стояла почти в кромешной мгле, не зная, как вернуться на стоянку. Нельзя же заночевать прямо здесь... Ничего не видно... Нет, пока небо хотя бы немного остаётся подёрнутым сумеречным свечением, надо пройти по дороге назад, обратно, мимо этой ужасной избушки, отыскать поворот на обходную тропу.

Беда в том, что даже днём в том месте, где соединялась с основной дорогой, она была заросшей травой и не совсем отчётливой. Торопясь назад на последнем издыхании, я ругала себя на чём свет стоит: это насколько же надо быть глупой, чтобы вечером без всякой необходимости по дороге, совсем не безопасной, отправиться за консервами?

Эта вылазка объяснялась вовсе не трогательной заботой о группе, которая в этот вечер могла совершенно спокойно довольствоваться очередным жиденьким супчиком, а просто неспособностью усидеть на месте, когда нервы на пределе. Нежеланием справиться со своей... со своим...

У меня уже не оставалось никаких слов, не оставалось сил. А это слева... неужели поворот на тропу? Да! Убедившись в этом, я радостно припустила вверх, Куба на какое-то время осталась внизу. И тут поняла, что не просто громко дышу, а издаю длинные протяжные хрипы и скрежещущие звуки, словно машина, которую пора сдать в металлолом.

Нет, скорее словно взмыленная лошадь, которая бежит и не в состоянии уже остановиться, даже если придётся загнать себя до смерти. Заставить себя остановиться оказалось не так-то просто. Ничего... здесь, повыше, не так темно, как внизу, небо по-прежнему чуть зеленоватое на западе. Надо посидеть хотя бы несколько минут, чтобы сердце перестало так биться.

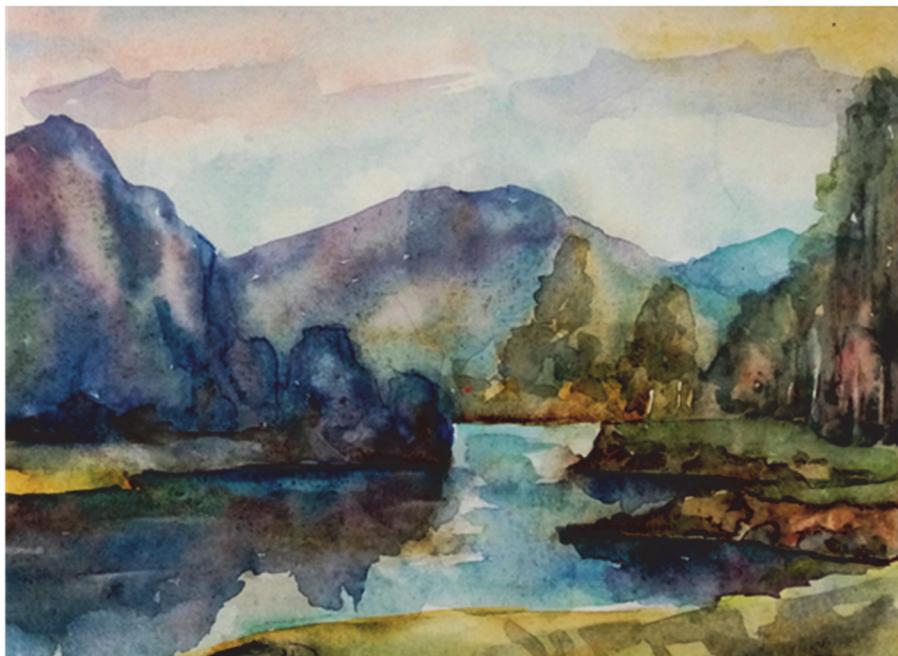

Рисунок Шкурина Г. Алтай

Не сказать, что остаток пути был приятным – он показался мне не только труднопроходимым в такое время суток, но и очень долгим. Недалеко от стоянки я разглядела фигуру, беспокойно расхаживающую по дороге, – это была поджидавшая меня Людмила Павловна.

Она бросилась мне навстречу.

– Лена! – воскликнула она, и я поняла, что она плачет. – Лена, я так за тебя волновалась! Я за Надю так никогда не волновалась! Мы же забыли, что там на пути... что там эта проклятая Муехта! Мы же её и днём-то по трое и по четверо переходили!

Я никогда не видела, чтобы Людмила Павловна плакала, и было очевидно, что для неё слёзы – нечто само по себе из ряда вон выходящее. Это усилило ощущение собственной непроходимой глупости.

– Простите! Простите меня, что я пошла за этими консервами... Я не должна была никуда уходить...

Держась друг за друга, мы пошли к костру – должно быть, Егору удалось его развести не так уж давно. Он бросил в кипящий котёл добытую мной тушёнку, а спустя пять минут молча протянул мне тарелку супа.

– Да, мы ведь, когда отпускали тебя, совсем забыли про Муехту, – тихо и задумчиво сказал он какое-то время спустя. – Всё, теперь никто больше никуда не уходит... нам нужно быть всем вместе.

– Да... никто никуда... только вместе, – согласилась я.

Мы посидели у костра совсем немного, негромко разговаривая и обменивались впечатлениями минувшего дня. А я призналась, что вчера на Муехте видела медвежью берлогу.

– Останемся здесь и с места не двинемся, – сказала Людмила Павловна, когда мы пошли в палатку. – Будем ждать.

Как всегда, когда хочется, чтобы небытие продлилось как можно дольше, оно заканчивается слишком быстро. Мы проснулись часов в шесть утра и сразу стали рассуждать о том, почему за нами вчера не приехали.

– Ждали, что мы спустимся в другом месте.

– Да, наверное...

– Я почему-то думаю, что сегодня за нами обязательно приедут. – К Людмиле Павловне вернулась привычная жизнерадостность. Она решительно села и, слегка приведя себя в порядок, вылезла из палатки – а я осталась лежать и гипнотизировать взглядом карту.

Но в палатке было неудобно. Пользуясь отсутствием соседей, я прокрутилась вокруг себя по часовой стрелке и оказалась лежащей вниз головой. Самое странное, что до этого две ночи на Муехте нам удавалось дивно вписываться в ландшафт, так что кочки под нами полностью повторяли изгибы тела. Но в этот раз, хоть и на настоящей стоянке, палатку ставили абы как. Непонятно, как мы вообще в ней спали. Спина у меня затекла, да и от разглядывания карты легче не стало, так что в конце концов я тоже решила покинуть палатку. Было ясно, но сыро и очень прохладно.

Костёр не желал разводиться, и какое-то время мы втроем – я, Людмила Павловна и Егор – просто сидели и обсуждали возможные варианты дальнейшего развития событий. Людмила Павловна повторила, что верит в наше скорое спасение.

– Конечно, – согласился Егор. – Потому что вы как хотите, а мне по-любому сегодня надо быть в лагере. Там готовится вечер с шашлыками, у ребёнка день рождения...

Мы немного посмеялись, а затем на душе снова стало погано. Не знаю почему, но сегодня ждать было даже хуже, чем вчера... Ждать... ждать... время от времени выходить к реке, возвращаться, вновь садиться к костру. Что если сюда вообще никогда не приедут? Ещё несколько дней с остатками еды продержимся, а там надо будет искать другой выход – подниматься по Имурте и идти к Караколам, где есть люди, но это слишком длинный путь...

– Нет, это невозможно, – сказала Людмила Павловна. – Это слишком долго.

– Да заберут нас, – успокаивал Егор.

Мы не могли даже отвлечься на завтрак, потому что завтрака не было пока и в помине: костёр снова не разжигался, а ничего, кроме крупы и чая (не считая банки горбуши, но её следовало приберечь), не было, даже хлеба.

Часам к двенадцати желудок начал напоминать о своём существовании, но не слишком настойчиво. Как и вчера, когда возвращалась с Сергезю, я заметила это необычное ощущение, будто живот провалился куда-то внутрь.

Наверное, за весь поход это были худшие часы, когда заняться было абсолютно нечем, лишь бродить из стороны в сторону, впадая всё в большее отчаяние. Вот так у людей и начинает ехать крыша...

Я немного прогулялась вверх по Имурте, рассеянно обрывая крохотные ягоды малины, в который раз села перед костром. Стараниями Егора он наконец разгорелся, вода в котле потеплела. Не позавтракаем, так пообедаем... ведь уже час дня.

Студенты, немного размявшись, вернулись к себе в палатку, мы снова остались втроём.

– Я, когда ходил к реке, видел скобы от разрушенного моста, – сказал Егор. – Можно плот построить...

– Какой такой плот? Чтобы нам на нём поплыть?

– Нет, чтобы рюкзаки сгрузить, а плот вести за собой.

Я не могла понять, шутит он или нет, и в конце концов склонилась к мысли, что шутит. С другой стороны, ещё немного, и от безысходности мы действительно возьмём и плот построим.

– Вода так сильно поднялась, – сказала я. – Это очень заметно было, когда мы с Пашей ходили. И вчера, когда, помните, мы переходили вброд Муехту...

– Лена, да не произноси ты это слово! – Людмила Павловна сделала категоричный жест.

– Ладно... А насчёт плота... Егор, это вы серьёзно?

– И что, считаете, мы сможем с таким плотом справиться? – подхватила Людмила Павловна.

– Да, я на полном серьёзе, – стал уверять нас Егор. – Потому что если ждать, когда машина приедет... А вон, кстати, и машина за нами едет.

Мы тут же умолкли и наострили уши. В шуме реки часто слышался рокот автомобиля... Р-р-р-р-р... тр-р-р-р-р... Р-Р-Р-Р-Р... ТРУМ-БУРУМ-БУРУМ...

Это было похоже на галлюцинации – невероятно, но из-за листвы вдалеке показалась огромная кабина грузовика. Я побежала навстречу помахать им на случай, если это посторонние просто проезжают мимо. Но нет – грузовик решительно свернул и подъехал прямо к нашей стоянке. А я уже, убедившись, что это действительно за нами, шла в противоположную сторону – к реке. Мне совершенно необходимо было несколько минут побыть в одиночестве.

На стоянке тем временем развернулась бурная деятельность: какие-то люди, некоторые из них были совершенно незнакомыми, помогали участникам собирать разбросанные всюду вещи, студенты энергично опустошали свою палатку, а Егор тем временем, воспользовавшись пеньком как столиком, толстыми ломтями нарезал колбасу.

А вот Людмила Павловна, похоже, потеряла голову и выдернула дуги из палатки раньше, чем вытащить оттуда спальники и всё прочее. Я стала говорить ей что-то бессвязное в знак утешения, пытаюсь справиться с грудой тряпок, в которую превратилась палатка – но было очевидно, что всё и так хорошо.

К тому времени как раз закипела вода, и заварили чай. Откуда-то были извлечены пирожки с картошкой, а ещё всем раздали шоколад.

– А мы... вас... ждали... – сказала я старшему инструктору.

– Вечером, когда вы не вернулись, начался сильный дождь, который лил не переставая, и ночью в горах случился обвал в нескольких местах. В самом начале дороги, где должен был ехать грузовик, сошёл сель и полностью перекрыл путь... Ну а как нам удалось сюда добраться, это отдельная история.

В небе сияло солнце – правда, как-то неуверенно, несмотря на чистое небо: казалось, после того как за минувшие сутки на мир низвергнулись тонны воды, оно никак не может разлепить мокрые ресницы.

– Если бы мы знали, что вы на Имурте, то не поехали бы вас спасать, – покачал головой суровый с виду дяденька, который вместе со старшим инструктором и сыном замдиректора лагеря отправился в «спасательную экспедицию». Этот же дяденька – его звали Борис – строго отчитал студентов за то, что те бросили возле палатки пачку влажных салфеток.

Поев, мы сгрузили в кузов все вещи, забрались туда сами, и машина медленно двинулась обратно, в сторону кордона. Там нас пересадили в крытый, более цивилизный с виду ГАЗ. До Имурты его, видимо, пускать было жалко.

Теперь, сидя внутри, мы уже могли спокойно поговорить и обо всём расспросить членов «спасательной экспедиции».

– Значит, позавчера днём все готовились вас встречать. Ждут, ждут возле ворот лагеря – вас нет. В растерянности расходятся... Часов в девять вечера приезжает водитель на пустой машине и молча разводит руками.

– Он был зол? – спросила я.

– Понимаешь, это сам по себе слишком тревожный сигнал, чтобы злиться, когда группа не появляется на назначенном месте. При том что она знает, что без машины своим ходом не доберётся... и что машина проделывает напрасно такой тяжёлый и дорогостоящий путь.

Ну, а в тот же вечер начинается дождь, выпадает рекордное количество осадков, реки выходят из берегов. Вы не возвращаетесь, спускающимся с Каракол вас никто не видел (мы туда ездили и разговаривали с местными), и постепенно становится понятно, что вы скорее всего на Имурте и не можете вернуться. Но как отправить к вам машину, если сель перекрыл путь?

В это время с кордона выезжает грузовик пополнить какие-то запасы для конников... кстати, вы ведь были совсем недалеко от их базы.

– Мы с Пашей не смогли добраться до кордона из-за воды.

– Значит, грузовик доезжает почти до устья Кубы и упирается в сель. Мы договариваемся с водителем этого грузовика о том, чтобы обратно на кордон следующим утром поехать с ним. Он сперва упрямится, набивает цену, а затем всё-таки соглашается.

Мы дожидаемся следующего утра и тем временем укладываем еду и аптечку. Но, к счастью, они нам не понадобились... И увидели мы вас значительно раньше, чем ожидали, – заключил он.

– А вот и сель, – обращаясь к группе, объявил Борис, когда грузовик остановился. – С этого момента нам придётся идти пешком, и желательно разуться.

Мы попрощались с водителем и, поблагодарив его, пошлёпали босиком по вязкой массе, расползшейся метров на десять вдоль дороги. Ещё пара минут – и мы оказались в лагере. Нас встречала целая толпа народу. К Егору сразу кинулись его жена, сын, невестка...

Отовсюду раздавались щелчки фотоаппаратов, группу попросили снова выстроиться.

– Кажется, ваше желание исполнится, – сказала Людмила Павловна Егору. – Вы даже успеваете на шашлыки...

Когда-то давно Людмила Павловна рассказала мне о баньке у местного пасечника и так её расхвалила, что мне непременно захотелось туда попасть. Но идти туда надо с кем-то – минимум человека четыре, чтобы безболезненно расплатиться с пасечником.

– Осталось два дня до отъезда, – сокрушённо сказала Людмила Павловна. – Вряд ли мы сможем кого-нибудь отыскать.

Действительно, те, кто желал, уже успели в этом сезоне сходить в баню; те же, у кого такого намерения никогда не было, смотрели на нас с большим подозрением, почти как на маньяков.

Наконец не столько из любви к бане, сколько из желания угодить нам с нами согласилась пойти одна старая знакомая – тоже бывшая походница – со своей внучкой.

Чтобы попасть на пасеку, надо было подняться в гору несколько километров. Прелесть баньки заключалась в уединённости места. Пасечник оставлял нам чайничек с душистым травяным чаем и уходил, а больше никто не мог здесь появиться.

Сама банька представляла собой крошечное деревянное строение – миниатюрный предбанник и парилка, в которой вообще негде было развернуться. Чтобы влезть туда вчетвером, кому-то приходилось чуть ли не под скамейку забиваться. Правда, тут невозможно было находиться долго. Когда я первый раз заглянула в парилку, то вообще едва удержалась от того, чтобы с воплем оттуда не вылететь.

Зато мы долго сидели в беседке, наслаждаясь прекрасным вечером и чаем, а иногда по очереди ныряли в расположенную рядом купель с чистой ледяной водой.

– Кто-то из вашей группы уже уехал? – спросила Галина Васильевна.

– Да, Егор. – Людмила Павловна вздохнула. – Мне всегда бывает жалко, что в походе все вместе держатся как единое целое, но потом расходятся каждый в свою сторону. Группы уже как бы и нет...

Постепенно темнело, и становилось по-настоящему холодно, всё-таки близилась середина августа, а в горах в это время ночью иногда и заморозки уже бывают.

Мы снова набились в тёмную парилку. Наверное, это была самая жаркая баня, в которой я когда-либо бывала. Зашкаливающая температура, полное отсутствие света и крохотное пространство создавали странное впечатление. Казалось, будто мы вообще находимся не на этой планете, а витаем в космосе. Потом мы снова вышли к беседке, чтобы допить чай. Одевшись, я сбегала к пасечнику и вернулась с коробочкой свежего мёда в сотах.

– Ну вот и всё, послезавтра уезжаем, – сказала Людмила Павловна. – Быстро всё закончилось, мы ведь только что вернулись из похода.

– Конечно, планировалось-то ведь, что он будет семидневным, а растянулся в итоге на девять дней. – Сидя на скамейке, я сосредоточенно отдирала колючки, которые нацепляла на штаны в предпоследний день

похода, когда мы с Пашей пытались добраться до кордона. – Ну, ничего, в следующем году, когда мы пойдём... что?

– Я уж даже не уверена, захочу ли я когда-нибудь пойти в поход...

– Вы серьёзно?

– Да нет... Наверное, пока завязывать с этим мне рано, – подумав, сказала Людмила Павловна.

– Ну, тогда ладно, – удовлетворённо сказала я.

И, забрав все вещи, мы, слегка дрожа на вечернем воздухе, почти по-осеннему уже прохладном, побрели вниз.

В. СОЛДАТОВ*

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ

Как наша молодость кипела!
Как до всего нам было дело!
Какие были виражи!
Какие были куражи!
Да! Круто молодость вела,
Мы не любили удила,
Не по душе нам были цепи.
Отечества крепили крепи:
Птенцы Лыщинского на деле

Вершины штурмовать умели.
Теперь – делишки, не дела.
Метель все тропы замела.
А старость шаркает ногами,
В придачу шамкает губами,
Не дай господь – не ровен час
Покинула чтоб мудрость нас.
Нельзя! Поскольку мы из НЭТИ.
Мы, как всегда, за всё в ответе.

РУСЬ БУДЕТ ЖИТЬ

Русь будет жить, и будет честь,
Пока в стране Иваны есть.
И беды все переживёт –
Иванами скреплён народ.
Не помнящим родства совет:
Коль в мире жить сполна хотите,
Иванов всуе не хулите.
Резона в том, поверьте, нет.

2003 г., УВД г. Новосибирска

* *Солдатов Владимир Ильич*, выпускник 1970 г. МСФ НЭТИ, член Ассоциации выпускников НГТУ НЭТИ, полковник милиции в отставке, ветеран боевых действий.

Рисунок Чербаковой А. Домик в лесу

АХ, ВРЕМЯ, ВРЕМЯ!

Ах, время, время! Что так веешь?
Чего ж ты женщин не жалеешь?
Мужчин казни, они достойны:
По их вине бушуют войны,
По их вине и вдови слёзы,
О рыцарстве их только грёзы.
Смени жестокий нор, время –
На женщинах такое бремя!
Как бури, гнут их, гнут заботы
Всё о семье после работы.
Но сколько в них сокрыто силы,
Волшебницы они, красивы,
Нежны, как вешние берёзы,
И не к лицу в глазах их слёзы.
А если скатится какая,
От счастья будет пусть святая.
Они, как прежде, берегини,
Они среди забот – богини!

РЕКА ДРУЖБЫ

Сколько легенд об Иссык-Куле!
Поток восторженных похвал.
Как важно, чтобы лихо всуе
Ты сути суть не потерял.

Впадает сколько рек и речек,
Расскажет мал и аксакал.
А сколько судеб человеческих
Ты, Иссык-Куль, перевидал!

Поступь веков стирает время,
Кто кочевал, оседло жил...
А сколько раз, взлетая в стремя,
Манаса дух с мечом кружил!

Дух горделивый и свободный,
Просторов мощь в себя вобрав,
И горный воздух первородный
Кыргызов шлифовали нрав.

Святых обычаев каноны.
Почтенье к мудрым старикам,
Их слово, значимей законов,
Было для всех как талисман.

Из поколения в поколение
Акынов сказ хранил народ.
Победы, беды и прозренья
Из года в год, из года в год.

Забыть лишь могут те мгновенья
Невежда, циник и манкурт.
Художникам для вдохновенья
Дымок из незабвенных юрт.

По зову сердца, а не службы
Ответственно скажу я вам:
Из Иссык-Куля река Дружбы
Течёт к российским берегам.

г. Бишкек, 2 сентября 2002 года

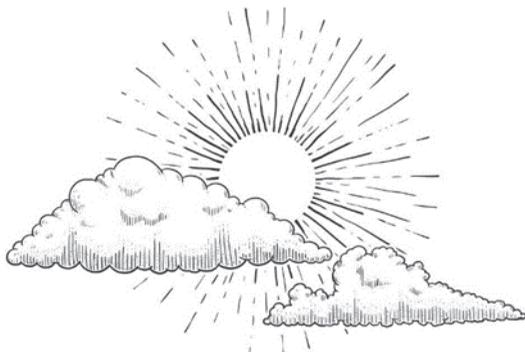
Рисунок Шкурина Г. Руками природы

ВНОВЬ НАД ГОРОДОМ ДОЖДИ

Вновь над городом дожди
Чёрной синевой.
Не моя сегодня ты,
Я не твой.
Не моя сегодня ты,
Я не твой,
Потому-то и дожди
Чёрной синевой.

Не круши мосты ко мне –
Ты постой,
Камень в руку не клади
В миг такой.
Камень в руку не клади
В миг такой,
Не круши мосты ко мне –
Ты постой.

Алой зорьке улыбнись
В новый день,
До чего прекрасна жизнь,
Ты поверь!
До чего прекрасна жизнь,
Ты поверь!
Алой зорьке улыбнись
В новый день.

НЕ ИГРУШКИ – РАБОТА В МИЛИЦИИ

Генерал выступает. Доклад.
Зал притих. Напряжённые лица.
Бой с преступностью – не маскарад.
Не игрушки – работа в милиции.

Здесь и боль, и страданья в накат.
И, конечно, нет места амбиции.
Состраданье на сотни карат
Нынче ценится всеми в милиции.

Безразличный в погонах – чужак,
От народа далёк, как патриции.
Легкомысленный, барин, простак –
Им не место в российской милиции.

Напряженье, в работе накал,
А отдача – крупица с крупицею.
В сутках мало часов – недоспал,
О себе мысли редки в милиции.

Дети гостем встречают отца,
Да и мать – те же здесь дефиниции.
Щедрость сердца, нескудность скупца –
Только так, не иначе в милиции.

В бой идут не одни старики –
Молодёжью их рейд обеспечен.
Не ликуйте всуе, варнаки,
Нет, не вечер ещё, нет, не вечер.

Загорится под каждым земля,
Сколь преступной верёвке ни виться.
Собрались офицеры не зря,
Знать, преступникам не открутиться.

Генерал лаконичен. Итог
Подвели. С пониманием лица.
Бой со скверной – не сладкий пирог.
Не игрушки – работа в милиции.

1997 г., коллегия УВД г. Новосибирска

АПРЕЛЬ

Апрель. Нежданная пурга.
Ещё вчера был мощный ливень.
Зима в агонии свой бивень
Вонзает с яростью врага.

Смириться б ей – она лютует.
Время ушло – но в ус не дует.
По сердцу холодом пурга
Взмывает ввысь, весну ворует.

Апрель изменчив и лукав:
С утра какую брать одежду?
Он может наказать невежду
И проявить свой дикий нрав.

Уже кукушка прокукует,
Лаская, южный ветер дует –
Зима, безвременьем поправ,
Жмёт напролом. Такой уж нрав.

А в чём секрет, узнаем мы:
Апрель взял взятку у зимы,
Позволил ей покурлесить,
Снега гирляндами развесить.

Но запоздал ажиотаж:
Зиму возьмут на бордаж.
Звон ручейков и птичью трель
Подарит щедро нам апрель.

2000 г., дача

Рисунок Мережниковой А.

С. ТИМЧЕНКО*

ПРОСТО БУДЬ СЧАСТЛИВОЙ, МИЛАЯ

Когда Антонине исполнилось шесть, она спросила у мамы, нерешительно подойдя к ней во время приготовления ужина:

– Мам, что такое счастье?

Мама Элеонора – высокая, статная женщина – отложила ложку, которой мешала суп, и удивлённо посмотрела на дочку, хотя её особо не удивил вопрос шестилетнего ребёнка. То, что та была не по годам развита, чувствовалось с первых дней её жизни. Огромные зелёные глаза маленькой дочери с жадностью и интересом смотрели на окружающий мир. С удовольствием девочка бродила по лесу, находившемуся в пяти шагах от дома, собирая ягоды и шишки и, к всеобщему удивлению членов семьи, не торопилась тащить их в рот, а с любопытством разглядывала и трогала. Говорить полными предложениями девочка научилась в три года, как и писать и читать: сказывались гены деда, сибирского учёного, известного своими научными трудами по филологии, Сергея Анатольевича Виноградова, однофамильца легендарного лингвиста. У Тони был необыкновенный интерес ко всему, что её окружало. Подолгу она смотрела в окно, наблюдая за тем, как гремит гром и дождь неумолимо льёт на собачью будку, где спит их старенькая дворняжка Соня.

Элеонора, не очень долго раздумывая, ответила:

– Счастье – это когда ты хорошо кушаешь! – и с грустью вспомнила о том, как дочь не переносит овсяную кашу, брокколи и бутерброды с икрой.

– Что мне нужно есть, чтобы найти счастье? – с жаром спросила девочка.

* Тимченко София, студентка ФГО НГТУ.

- Нужно есть поменьше углеводов и больше клетчатки, например брокколи. Но, к сожалению, ты их не любишь...

Заметив огорчённое мамино лицо, девочка сразу выпалила:

- Теперь я буду есть их каждый день!

И Тоня не соврала. Но уже на вторую неделю брокколи и помидоры ей до смерти надоели. Да, если она не будет их есть, то счастливой не станет... Ради своего желания стать такой и понять, что же делает тебя счастливым человеком, Тоня отказывалась от любимой индейки и желанного черничного пирога. Мама объясняла дочке, что это лишние ограничения, и они ей ни к чему. Однако упёртая Тоня была непреклонна.

Спустя несколько месяцев девочку с трудом можно было узнать. Из крепкого холёного ребёнка она превратилась в прозрачное существо с впалыми щеками и печальными глазами. Не испытывая счастья до сих пор, она решила обратиться за советом к отцу.

Это был тридцатипятилетний мужчина с добродушным лицом и мягкими манерами, очень уравновешенный, что подкупало его партнёров по бизнесу. Дмитрий читал газету и пил кофе. Его светлые глаза устремились на заголовок новой страницы, когда дочь тихо спросила:

- Папа, в чём заключается счастье?

Отец снял очки, потёр переносицу и синими близорукими глазами уставился на младшую дочь, известную непоседу.

- Счастье, дочка, это когда ты делаешь то, что приносит тебе деньги. Хорошие деньги, - подчеркнул папа и улыбнулся, вспоминая, как в семь лет начал продавать фантики от конфет и получил за это первые деньги.

Со временем Дмитрий Виноградов стал одним из самых уважаемых дельцов в цветочном бизнесе. Его сестра Жанна работала менеджером и координировала всю работу компании. А он руководил. Как было бы здорово, если бы младшая дочь интересовалась их семейным бизнесом! Со старшей он пытался когда-то обсудить прелести бизнеса, но тут другая проблема: Анастасия считала себя отпетым неформалом и не показывала ни малейшего интереса к цветочной сфере. Что ж, возможно, младшенькая более разумна и прилежна.

Сказано - сделано. В семь лет Тоня получила первые деньги, продавая игрушки, которые в своё время ей достались от Насти. Плюшевые

мишки, куклы, игрушечные домики и коляски она продавала без стыда и радовалась тому, как недоумённо родители одноклассников спрашивали детишек, куда делись сторублёвые и двухсотрублёвые купюры. Она тратила деньги на мороженое и откладывала на книги по истории, поскольку хотела поступать после школы на исторический факультет. Но прошло несколько месяцев, и это занятие перестало радовать девочку, хотя по инерции она продолжала как есть брокколи на обед и ужин в разные дни, так и продавать ненужные вещи сестры. И потому спустя несколько лет она решила продолжить поиск счастья.

Отношения с сестрой у Тони были не сахар: Настя была весьма остра на язычок и даже могла наругать сестрёнке. Когда вечером после школы четвероклассница тихо постучала в дверь её комнаты, та грубо крикнула сквозь панк-ритмы, доносившиеся из колонок:

– Чего надо?

– Я хочу поговорить с тобой! – выкрикнула Тоня.

Музыка умокла. С тяжёлым вздохом Настя открыла сестре дверь, и Тоня вошла в обитель рок-фанатки и бунтарки. С плакатов на стенах на неё глядели Виктор Цой и британские панк-рокеры, о которых она не имела ни малейшего понятия. По всей комнате были раскиданы гитары, наушники разного цвета, книги про рок-н-ролл и пластинки, пластинки, десятки пластинок. В свои девятнадцать лет Настя гордо именовала себя готом и носила только чёрную одежду. Её некогда светлые волосы свисали по плечи тёмными космами, сквозь них виднелись родные корни. Язык, рот и уши были унижены пирсингом, которым она любила хвастаться. Но во многом это служило маской, неким притворством. Грубые манеры сменялись мягкостью, когда кто-либо хвалил её музыкальный вкус и способности к рисованию. Она зарабатывала этим на жизнь, взяв академический отпуск в колледже искусств.

– Ну, что ты хотела спросить?

– Настя, в чём заключается счастье?

Можно было ожидать, что старшая сестра проигнорирует вопрос младшей, но та ответила:

– Счастье у всех разное. Для меня счастье – это возможность самовыражаться. Как ты видишь, я люблю делать пирсинг и рисовать.

Посмотрев на сестру, Тоня решила тоже попробовать самовыражаться. Через полтора года она проколола себе язык и хрящ в носу, боль была невыносимой, но ей нестерпимо хотелось наконец стать счастливой. Она нарисовала два портрета и один пейзаж. Работы ей нравились, как и её окружению, хотя рисовать постоянно, как сестра, она не хотела.

С каждым днём Тоня становилась всё более подавленной и мрачной. Ни полезная еда, ни заработанные на продаже шоколадок и старых вещей деньги, ни пирсинг и рисунки ей не приносили желаемого счастья. Она была словно в тупике. Неизвестно, сколько бы девочка так жила, если бы не семья.

На двенадцатый день рождения родители и сестра заказали огромный шоколадный торт со свечками и накрыли её любимыми блюдами стол: куриные котлеты, индейка в сливочном соусе, картофельное пюре, салат из помидоров, салат «Цезарь».

Тоня пришла из школы чуть раньше обычного и услышала:

– С днём рождения, наша любимая Нюся!

Мама, папа и сестра бросились обнимать и целовать именинницу. А она, поражённая, смотрела на обстановку в комнате. Повсюду в гостиной висели шарики, аромат её любимых роз сводил с ума, а вид роскошного стола с яствами чуть не свалил девочку в обморок.

– Ты счастлива? Я специально заказала твой любимый торт...

– Мам, нет. Я не счастлива, – прискорбным тоном ответила Тоня, не глядя на Элеонору.

– Дорогая, давай я с ней поговорю, – шёпотом сказал Дмитрий, озадаченное выражение, однако, не сходило с его лица.

– Как я могу быть счастлива, если то, что я делала, мне не дало счастья?

– А что ты делала? – тихо спросила Настя, догадываясь.

Тоня всё рассказала семье за пять минут и во время своего повествования почувствовала, как ей становится лучше и легче. Мама и папа с огорчением взглянули друг на друга, а потом на старшую дочь.

– Я не знаю, что мне делать, – говорила Тоня.

– Милая, – начала Элеонора, обнимая Тоню. – Мы же просто отвечали тебе на вопрос, только и всего. Это не было руководством к действию для тебя.

Тоня ахнула. Какая же она наивная и ведомая!

– Как я тебе и говорила, для каждого человека счастье означает разное. И тебе необязательно слушать рок, если ты любишь классическую музыку.

– Как и не нужно тебе было есть то, что ты не любишь.

– И что же мне делать? – имениннице стало очень грустно от осознания того, что она столько лет потратила на чьи-то дела и мечты.

– Просто будь счастливой, милая. Делай то, что нравится именно тебе. Ты любишь индейку и мясо? Ешь на здоровье! Нравится заниматься творчеством, а не бизнесом? Занимайся! Рисуй, пиши, твори!

Тоня чуть не заплакала. Она наконец всё осознала и поняла. Все обнялись и радостно пошли праздновать день рождения дорогой дочки и сестры.

А. ЧЕХОНАДСКИХ*

К 125-летию Хорхе Луиса Борхеса

СТАРАЯ БУТЫЛКА

– Должно быть, девятнадцатый век, – заметил я.

– Не знаю. Этого никогда не знаешь, – был ответ.

Я наугад раскрыл книгу. Очертания букв были незнакомы.

Страницы показались мне истрёпанными, печать была бледная, текст шёл в два столбца, как в Библии. Шрифт убористый, текст разбит на абзацы. В верхнем углу стояли арабские цифры.

Я обратил внимание, что на чётной странице стояло число, скажем, 40514, а на следующей, нечётной, – 999.

Я перевернул её – число было восьмизначным. На этой странице была маленькая, как в словарях, картинка: якорь, нарисованный пером, словно неловкой детской рукою. И тогда незнакомец сказал:

– Рассмотрите хорошенько, вам больше никогда её не увидеть.

Х.Л. Борхес. Книга песка**

Случилось это в самом конце восьмидесятых, никак не раньше. Я два года ждал защиты диссертации, так что и после неё проводил время словно бы в ожидании неведомо чего. У Кости ситуация сложилась другая: жить у жены он больше не желал, и как только удавалось подкопить денег, снимал квартиру. Когда они иссякали, когда возвращались хозяева или объявлялись иные квартиранты, перебирался в заведомо временное пристанище, где мог *перекантоваться*; наверное, брезжила надежда на комнату от института, но она так и не сбылась. Главное – он владел вишнёвым универсалом ВАЗ-2102 и летом мог ночевать

* Чехонадских Александр Васильевич, доктор технических наук, профессор кафедры алгебры и математической логики НГТУ.

** Перевод Валентины Кулагиной-Ярцевой.

просто в машине. Зимой завлаб пускал его вместе с транспортом в свой гараж – к счастью, обогреваемый.

Располагался гаражный городок где-то в перелесках за улицей Демакова, и, хотя я не раз выбирался оттуда на своих двоих, искать это место сейчас не взялся бы ни за какие коврижки. Кстати, о коврижках: едой Костя довольствовался из разряда *что-нибудь к чаю*, воду привозил из института дистиллированную и в достаточном количестве, а если ему доводилось в тех же стенах проводить выходные (обычно он забирал детей и уезжал с ними в город к бабушке), то, судя по остаткам жира на противне, мог порадовать себя и жареной птицей. Короче говоря, зимняя обитель вишнёвого автомобиля и младшего научного сотрудника Константина Андреевича представляла собой типичную мужскую берлогу.

Заговорившись допоздна и охнув, глядя на часы, я уходил ночевать к сестре на Российскую.

– И как он там живёт? – хмуро спрашивала она и резюмировала мои уклончивые ответы неизменным выводом. – Охота пуще неволи!

Наверное, и меня в этот медвежий угол манила именно такая охота...Надо упомянуть ещё одну деталь, существенную и для тогдашней жизни, и для эпизода, о котором я хочу поведать далее. У Кости был служебный доступ к техническому алкоголю завидной очистки. Доступ ограниченный, но если сравнивать с широкими народными массами, которые, за исключением свадеб и похорон, не имели вовсе никакого, то более чем достаточный.

Для обслуживания аппаратуры ему регулярно выдавали толстенькие литровые ёмкости йодистого цвета, наполненные 97-процентным немецким ректификатом и заключённые в пластиковые сеточки для предохранения от соударений. Искусством употребления неразбавленного спирта никто из нас не владел, поэтому мы доставляли Косте кулёчки кедровых орешков, и, если таковые оказывались сощёлканными, предусмотрительно сохранялась скорлупа. Получавшуюся через неделю тёмно-вишнёвую настойку разводили до приемлемой крепости и вкушали спиритус санктус как поистине священный напиток дозами почти гомеопатическими. Подчеркну, что опьянения, каким мы его помнили по родительским застольям, не возникало – попробуйте опьянеть от абсента!

Кажется, мы причастились кедровочки и в тот раз – как обычно, в количестве скромном и качестве отменном. Неяркий свет двух люминесцентных ламп падал на вишнёвый лак вазовского универсала, короткая ртутная трубка в углу освещала небольшой письменный стол, ящички которого хранили разную автомелочь, а на расстеленной поверх него газете «За трезвость!» размещались электрический чайник, три-четыре мутных гранёных стакана, полбулки хлеба, початая пачка рафинада, рыбный пирог производства местной домашней кухни, кусок колбасного сыра... Наверное, лежало на газетке что-то ещё, ибо в моей памяти осталось впечатление даже некоторого обилия. Ах да, конечно: стояли там заветная бутылка и пара мензурок, заменявших нам хрусталь. Костя уступил мне низкое кресло с продранной обивкой на углах, а сам высился над столом, сидя на стуле; так было удобнее нарезать продукты и дирижировать трапезой.

Трудно представить, но, может быть, вам удастся поверить: в окружавшей наш ужин обстановке сквозило что-то от пещеры Али-Бабы... Не потому ли я вдруг проявил интерес к бутылке, стоявшей на трубе отопления вплотную к стене?

Конечно, я видел её не раз, но никогда прежде пыльная бутылка не достаивалась ничего, кроме скользнувшего взгляда.

- Костя, а что у тебя в этом волшебном сосуде?
- Ничего. Он лет сто как пуст.
- Кто-то же его сюда принёс вместе с содержимым?
- История умалчивает. Скорее всего, надоело держать его дома.
- Ты считаешь, он и дома долго стоял пустым?
- Ну, лет сто как пустым...

Повторно прозвучавшее выражение «лет сто» меня насторожило. Но я посчитал, что это просто фигура речи.

- А сколько ему лет на самом деле?
- Да кто ж его знает! На нём не написано.

Я изумился и перевёл разговор на другую тему. Когда же Костя, щадя мою некурящую натуру, накинул полушубок и вышел за дверь, первое, что я сделал, – потянулся за таинственной бутылкой. Второе – убедился, что с ходу понять действительно ничего нельзя.

На глазок она была литровая; может быть, кварта или пинта – кто ныне скажет, сколько это в литрах... Этикетки пострадали от времени:

одни больше, другие меньше. А их было несколько; сколько именно, не скажу. Хуже того, найти главную сразу не получилось: те две, что покрупнее, располагались на противоположных сторонах тёмно-зелёного цилиндра и были в равной степени затейливы. Некоторые словосочетания, бесспорно, имели печатное происхождение, а другие так искусно имитировали надпись от руки, что судить о них при тускловатом гаражном освещении не стал бы никто.

Третье – и я не сразу обратил на это внимание – даже страну, точнее, язык определить не выходило. Буквы были латинские. Конечно, я легко распознал бы английский и французский; из шахматных книг и нотной литературы помнил некоторые слова и фразы на немецком, так что, пожалуй, его тоже определил бы. Но как бы я в то время различил испанский, итальянский и португальский? Или балканские языки?

Я не заметил, как Костя вернулся. Улыбаясь в усы, он сказал:

– Ну что, попался?

– Да уж, – ответил я.

– А как тебе понравился виноград? Взгляни поближе к лампе!

Виноград?!

Поглощённый этикетками, я толком не оценил поверхность бутылки – она оказалась столь же необычной. Надо сказать, рядом с домом, где прошли мои детские годы, располагалось кафе «Веснушка», так что иногда в коробках пустой стеклотары возле служебного входа мне доводилось замечать довольно затейливую отливку. Но, конечно, всё тамощнее не шло ни в какое сравнение с рельефной виноградной кистью на конусе, где сосуд сужался к горлышку!

На виноградных листках при ближайшем рассмотрении проступили надписи. Ягоды оказались чем-то вроде линз, которые при небольших изменениях угла зрения создавали калейдоскопический эффект для текстов и картинок с внутренней стороны этикетки, обращённой к стеклу и сохранившейся лучше наружной. На миниатюрных рисунках мелькнули чьё-то лицо, здание, горный виноградник, винный подвал... Слова и цифры несли какую-то информацию, но даты едва ли могли иметь отношение ко времени изготовления бутылки и её содержимого. Увы, я ничего не запомнил, а повернуть бутылку так, чтобы увидеть что-либо ещё раз, не получалось!

Та же история выходила и с внешней стороной этикеток. Перевернув бутылку противоположной винограду стороной, я увидел не то, что уже как будто рассматривал! Или ещё не рассматривал?

Вдобавок этот язык! Кое-где угадывались островки латыни, но много ли мы оба, физик и математик, тогда знали? *Alter ego* и *memento mori*? Даже петропотёмкинское двустипшие о ту пору нам было неведомо:

В «Вене» две девицы –
Veni, vidi, vici.

И кто в нашем кругу знал сорта европейского винограда, названия винодельческих провинций?

Главное, что обескураживало: в поле зрения вместо уже виденного постоянно влезало ещё не замеченное. Как на этикетках общей площади в пару ладоней поместилось столько разномастного текста и графики, не говоря уже о цифрах и виньетках – как?

А как хиромант на двух ваших ладонях вычитывает столько о характере, прошлом и будущем?

Продолжать изучение бутылки становилось неудобно. Я сконфуженно вернул её на трубу отопления, убедившись, что она устойчиво стоит у стены. Костя, улыбаясь, помалкивал. Я тоже, хотя про себя скорее досадовал. Из всего следующего разговора помню только свою реплику:

– Такие вещи нужно беречь!

Вскоре я откланялся. Зимняя ночь меня умиротворила, и у сестры я не проронил о загадочной бутылке ни слова.

ЦИФЕРБЛАТ

*...Эти названия у меня связываются не столько с самим кварталом и местами, где прошло моё детство, но скорее с теми таинственными окрестностями, округой близкой и незапамятно далёкой, над которой я полностью властвовал в уме, но не в реальности... Картина, очень безыскусная, оттого что я устал, выглядела ещё непритязательнее...
Улица с низкими домами на первый взгляд казалась бедной, но вслед за впечатлением бедности рождалось ощущение счастья. Она была очень бедной и очень красивой. Все глухо молчало. На углу смутно темнела смоковница. Навесы над дверными проёмами разрывали вытянутую линию стен и казались сотканными из бесконечной материи ночи. Крутая пешеходная тропинка обрывалась на улицу...
Я смотрел на эту смиренность. И мне подумалось наверняка вслух:
«То же самое, что и тридцать лет назад...»*

Х.Л. Борхес. История вечности*

Вообще-то папа брал лыжи на институтской кафедре физвоспитания ради межвузовской спартакиады. Она прошла с месяц назад, но спортивный инвентарь задержался. Увезти-то его было нетрудно, но возвращать следовало в рабочее время, и лучше было сделать это вдвоём: даже пара лыж, если несёшь её вместе с палками, норовит расцепериться при каждой возможности, а уж если пар две или три, то доставлять их в одиночку просто мука.

А мартовский денёк выдался на славу! Солнечно, безветренно, чуть выше нуля – и ослепительный свежий снежок на сугробах. Задолго до обеда охота заниматься чем-то дельным прошла, и я задумчиво облачился в спортивный костюм, сложил в рюкзачок ботинки и лыжные мази, связал самую подходящую для меня пару и вышел из дому.

Уже на улице подумал отправиться не в Бугринку, до которой пришлось бы полчаса идти пешком по чёрным подтаявшим тротуарам, а на Горскую, куда и на троллейбусе можно подъехать. Странное решение – я не катался там с детства. Время от времени, проезжая по дамбе, видел смельчаков, скатывающихся на коротеньких лыжах с высокого берега, и мог предположить, что и внизу какая-нибудь лыжня найдётся. Сойдя

* Перевод Александра Погоняйло и Веры Резник.

с троллейбуса, передумал ещё раз и начал спускаться в пойму не с крутого взгорья справа от дамбы, а слева, по сравнительно пологой автодороге, идущей параллельно дамбе к Оби и пляжу; по ней я надеялся добраться до пригодного для часовой прогулки места.

Так и вышло: на обочине в прогалине между кустами обнаружилась какая-никакая лыжня, истоптанная рыбаками и ведущая на лёд большого водоёма, в то время безымянного. В отличие от Лесоперевалки и Затона, он не пользовался доброй славой, хотя и не казался таким зловещим, как оставленный справа карьер – там каждый год кто-нибудь тонул.

Я смазал лыжи, переобулся в ботинки и покатил. Со всех сторон меня окружал большой город – но здесь были только тишина, небо, солнце, снег, тальники. Лыжня подтаяла, у кустов под корой тоже что-то оживало – их цвет явно набрал сочности. «Потом, потом», – вслух ответил я мысли наломать для бабушки вербных веточек. И, миновав заросли, вышел на открытое пространство.

Летом здесь плескалась вода, а в эту пору под снежным настом скрывался лёд. Лыжня разделилась и постепенно рассеялась, но по плотно осевшей снежной поверхности запросто можно было катиться без неё. Через несколько минут я приноровился к скольжению и летел дальше в полной эйфории. На всём просторе водоёма, как и на берегу, не было ни души. Склон высокого берега, облепленный мелкими домишками, серыми на солнце, чёрными в тени, тоже казался безлюдным.

Сделав пару кругов вдоль берега и вторично подъехав к дамбе железнодорожного моста, я вскоре достиг места, где через два месяца окажется что-то вроде пролива – точнее, протоки, соединяющей водоём с рекой. Снега туда намело побольше, и в реденьком теньке под молодыми вёслами слой последнего снегопада лежал нетронутым.

Дождавшись, когда остановившаяся налевой электричка уйдёт, я разделся до трусов и обтёрся свежим снежком. Усталость спала вместе с каплями и тальными ошметками; притихло и моё ликование. Я спокойно оделся и тронулся в обратный путь. Но через минуту настроение моё ушло под лёд: часов на руке не было.

Конечно, конечно, я снял их и спрятал в карман лыжных брюк перед тем, как устроить себе снежно-солнечную ванну! Но в кармане их не было. Значит, они выпали под вёслами, когда я растирался! Однако часов не обнаружилось и там. Два или три раза я прошёлся туда-обратно

по двухсотметровому участку от вётел до точки, где обнаружил потерю, – ничего! Что хуже, я не помнил, как снимал и прятал часы в карман. Если я это и сделал, то совершенно машинально. А если они слетели где-нибудь раньше? Петля лыжной палки вполне могла дорвать старый ремешок... Падая с метровой высоты, металлический предмет ныряет в снег так, что его не сразу найдёшь, даже проводив взглядом. Я пару раз ронял ключ, которым отпирали наш гараж...А тут где именно они упали? Скорее всего, под вётрами, но поди-ка перерой снег даже на том пятячке, не зная, откапываешь часики или закапываешь!

Чем дольше продолжались мои розыски, тем больше я унывал. Кажется, если бы вдруг часы нашлись, уже бы и не обрадовался. «Победа», «Победа»! Послужила папе, послужила мне – и где же тебя теперь искать?! Сияние дня немного замглилось, но в тот момент вызывало только досаду. Угораздило же сюда пойти! Скатись я с правого пригорка, ничего такого бы не случилось. Впрочем, весна уже на пороге. Не сегодня завтра часы могут вытаять из-под снега, и главное – наткнуться на них первым!

Пообещав себе появляться на льду водоёма с обходом при каждой возможности, я не стал даже ломать вербные прутьики: успеется! Помнится, я вернулся на место действия дважды, и в первый раз действительно обошёл вокруг водоёма. Без лыж это заняло больше часа; не единожды мне казалось: вон они, нашлись! Но вблизи «Победа» превращалась в потемневший ивовый листок. Во второй раз убедился, что выходить на лёд больше не стоит. Ровная снежная скатерть, которая застилала его в день моего катания, исчезла, оставив своеобразное блюдо: у берега лёд обломился, проседая по направлению к середине водоёма, но и центральный овал, всё ещё выдерживая довольно ровную горизонталь, растрескался и покрылся подозрительными лужами. Идти туда даже по серьёзным причинам, не то что ради старых часов, было бы крайне неразумно.

Тем и закончилось тогдашнее возвращение в детские места.

Прошло почти сорок лет.

Стоя у окна, я смотрю на Горский водоём с высоты птичьего полёта – иной раз коршун проплывает мимо так близко, что, кажется, до него можно дотянуться лыжной палкой. Но с лыжами на лёд выхожу редко; для них есть несколько заманчивых мест, и добраться туда ныне можно не на троллейбусе.

Стоя у окна, я изредка вспоминаю историю катания, отнявшего у меня часы. Вспоминаю острое чувство досады: ведь даже самые простые наручные часы в те годы приобретались далеко не каждый день, а их покупка или потеря становились событиями. Но встают в памяти и удовлетворённость бабушки, для которой я нарезал опушившихся вербушек, и безразличная реакция отца, когда я сообщил ему о своей потере: «Да бог с ними! Мы с матерью подарили тебе хорошие часы, их и носи!» Чаще и ярче вспоминаю свои чувства во время парения в просторе без лыжни: лети в ослепительном сиянии куда хочешь, здесь нет никого, кроме тебя и Бога, купайся в солнце, ликуй, хохочи! Таких часов, как этот, в твоей жизни немного! Вспоминаю его, я бормочу себе под нос: «А наручных купишь себе, сколько захочешь...»

Стоя у окна, я думаю, что где-то на дне под метровым слоем воды и сантиметровым – песка до сих пор остаются в целостности и сохранности никель корпуса, краска цифр и стрелок (добралась ли до них влага?), ремешок... И всё же «Победа» растворилась в водоёме, летом отражающем рассветы и закаты, ночью – огни железной дороги и вагонные окна, а днём, в золотой ряби, – солнце. Зимой на шестисотметровый ледовый циферблат ложатся тени береговых деревьев, поднявшихся за сорок лет, и по их расположению я бы мог определять время, если бы имел в том потребность. Горская вернула мне свой старый заём с лихвой...

Сегодня я подумал ещё об одной стороне происшедшего: случилось ли вам, больше из традиционного юмора, чем из суеверия, забрасывать в воду монетки в тех местах, где вы чувствовали себя счастливыми и куда хотели бы вернуться? Я же, сам того не желая, отправил на дно часы. Не эта ли нехитрая магия вернула меня на берега детства? Может, и в самом упорстве моих поисков выражалось бессознательное нежелание замкнуть здесь некий жизненный круг, который тогда и не просматривался? Кто по молодости готов довольствоваться кругом вместо спирали? И сколько случайностей и закономерностей, правил и исключений сплелось в невидимую сеть, снова притянувшую меня в родные края?

Тень дома накрыла тень прибрежного тополя.

Пора ставить точку.

Д. ЧУДИКОВ*

* * *

Иногда бывает трудно.
Иногда бывает больно.
Иногда бывает лень
Пережить грядущий день.
День не может длиться вечно.
Не забывай это, конечно.
В каждом дне есть вероятность
Пережить любую неприятность.
И даже если это не выходит,
То следом новый день приходит.
Чтобы заново начать.
Чтоб научиться отпускать...

ТЕМ, КОГО ОЖИДАЕТ КРАХ

Холодный ветер нагоняет страх.
Страх того, чего не вижу я:
Предательство, обман,
Недостаток рвения
Той, кто приблизила мой крах.
Часть меня желает ей счастья,
А часть – желает рвать на части.
Я её любил, любил всем сердцем,
А теперь я держу осколки сердца.
Я раздаю их всем, кому они нужны.

* Чудиков Даниил, студент ФГО НГТУ.

Всем, кто страдает от нужды...
Нужды в помощи и слове.
Тем, кто ощущает страх.
Страх предательства, обмана
И недостатка рвения...
Тем, кого ожидает крах.

* * *

Барабанят капли дождя.
На небе серые тучи.
То, что обожаю я.

Палящее солнце.
Его скрывают тучи.
Словно шляпы
Огромные поля.

Эти тучи мне напоминают
Крылья.
Словно птица пролетает
Мимо.

Эта птица... ворон?
Или милая синица?
Пойду закушу я пиццей,
Наблюдая за неизвестной птицей.

У нас
в гостях

Рисунок Шкурина Г. Улица Сибревкома

О. ВАСЮКОВ*

МОЙ ГОРОД

Темнеет. Город засыпает
Неровным сном седого старика,
Протяжным ветром иногда вздыхает
И дрожью откликается река.

Раздвоен ты рекой, но спи спокойно:
Мосты соединяют берега.
Как параллели к широте раздольной,
Летят мосты твои через века.

И одеяло тишины скрывает
Все шорохи: обид, сомнений, слов.
Не слышен звон полупустых трамваев,
Мой город спит, задумчив и суров...

А утром снова молодым проснётся,
Посмотрит на себя со стороны
И людям незаметно улыбнётся,
Припомнив с грустью про ночные сны.

* *Васюков Олег Георгиевич*, член Творческого союза художников, доцент Новосибирского технологического института (филиал РГУ им. А. Н. Косыгина).

Рисунок Радостевой М. Оперный театр

ПРОЩАЙ, ЛЕТО

На паутине капельки росы,
Как звёзды во Вселенной, ярко светят,
Повисли зыбко на ветвях сосны
Как ожерелье отцветающего лета.
В листве осин закат вчерашний спит,
Осеннее дыханье обнажая,
И в небе птица одинокая летит,
Забывая, отставшая от стаи...

СКВОЗЬ СЕДИНУ ДОЖДЯ

Сквозь седину дождя виднелись силуэты
Людей, машин, деревьев и домов.
Мне нравились дождя и луж дуэты,
Их нарастающих аккордов хоровод.

Скрип мокрой двери, шлёпанье по лужам,
Разбросанных, как множество зеркал,
Взгляд в отражение своё поглубже,
Чтоб пустотою облик твой не стал.

И небольшой озноб, ушедший в закоулки,
И радость просто так, ни от чего.
Забыты суета, шум улиц гулких,
И мне сегодня дышится легко.

ОСЕННЕЕ УТРО

Осеннее утро дождливо и хмуро,
Ступает по лужам босой балериной.
Серебряной нитью траву затянуло.
Пустеющий лес, и созвездье рябины.
Ты ждёшь, что воскреснет яркое солнце,
Дождливое утро наполнит теплом.
Стоят над тобою высокие сосны,
И падают шишки в густой бурелом.
Осеннее утро, раскинув объяття,
Обнимет весь мир, чтоб исчезнуть потом.
Останется осень, семейкой опята,
Созвездье рябины, пустеющий дом.

* * *

Расцветает сирень облаков –
Ненасытная песня любви.
Звон упавших тяжёлых оков,
Мир счастливой улыбкой обвит.
Отрекаясь от сумрака зим,
Полновесней становится лес.
День сегодняшней неотразим
Всем напраслинам в противовес!
Расцветут, отцветут – будет мёд.
Буду есть, буду пить – буду жить.
И трава сквозь бетон прорастёт,
Пусть пчела надо мною жужжит!
Сколько звуков! Теряется слух!
Будто пьяный, поёшь невпопад.
Расцветай, вислоухий лопух!
Ив зелёных звени, водопад!

Рисунок Шкурина Г. Скоро ночь

* * *

Застыло небо в неподвижности,
Но это всё иллюзия, обман:
Всё движется, всё движется
За горизонт – извечный наш капкан.
Меняются картины неба,
И снова повторяется закат, рассвет,
И что-то появляется как небыль,
Быть может, станет былью, может – нет.
И сколько возникает вдруг вопросов
Вокруг проблем, которым нет числа.
Как прошлого внезапный отголосок,
Дождинка тайну с неба принесла.
Соединить желаем невозможное.
Но кто сказал, что так нельзя?
И чьё же мнение не ложное?
Быть может, осуждаем это зря?
Неверие и вера, ложь и правда,
Как близнецы, друг с другом связаны,
Но между ними есть ограда,
Недаром названы по-разному.
И часто боремся мы с тем,
Что в нас самих сидит порой,
Живём закрытые, за стенами,
Как за великою горой.
Застыло небо в неподвижности,
Но это всё иллюзия, обман:
Всё движется, всё движется
За горизонт – извечный наш капкан.

* * *

Слова бледнеют на бумаге,
Как беды сквозь туманы лет.
О сколько нужно мне отваги,
Чтоб, равнодушную, как снег,
Мне говорить её заставить!
Меня чтоб понял человек!

* * *

А мы, влюблённые в себя,
Порой не замечаем, что вокруг.
Не замечаем радость дня,
Тепло родных, любимых рук.
А мы, влюблённые в себя,
Не замечаем, что вдали
Горит огромная свеча,
Сжигая прожитые дни...

* * *

Уходят, вздрагивая, поезда,
Скрываясь в молчаливой дали,
Как жизни дорогой года,
Которым мы цены не знали.
И стук колёс, как стук сердец,
Смолкает тихо, постепенно.
Его услышишь в пенье рельс,
Он не исчезнет вдруг, мгновенно.
Когда уйдёт – придёт другой,
И будет вечно это длиться...
Нарушит равновесия покой
Глазастая, без крыльев птица.

* * *

Исчезну я, исчезнешь ты,
А мир останется, как был.
Следы исчезнут у воды,
В тумане берег мой застыл.
Столетний дуб вдруг упадёт –
Поймёшь ли стон его паденья?
Цветок весенний расцветёт –
Не осуди его цветенья.
Исчезнет всё, но не исчезнем мы –
Переплетенье судеб разных...
И средь вселенской кутерьмы
Вновь повторится жизни праздник.

КОГДА Я ЖДУ

Когда я жду, то ожиданье вечно,
И я, бросая всё, бегу к тебе.
Мой путь такой земной, не Млечный,
Ведёт туда, где ты всегда, везде.
Твои ошибки, песни и улыбки,
Невинный взгляд и детская душа...
И, попадая в мир беспечно зыбкий,
Играя, нервно убыстряешь шаг.

Рисунок Радостевой М. Лодочка

ЖЕНЯ ЕО*

КОРАБЛИ ТОЖЕ УМИРАЮТ

– Пепши, Пепши, ты где? – Надя выдохнула, выпуская едва заметное облачко пара. – Пепши, ко мне!

Команда тоже не подействовала – собака не отозвалась. Пепши, обычно отличавшаяся умеренной послушностью, могла прятаться за кустом через дорогу, но идти по ухабистой грунтовке, которая осенью превращалась в месиво, Надя не хотела – в надежде, что Пепши вернётся, переступала с ноги на ногу на заасфальтированном тротуаре. Мало того, что придётся мыть Пепши от лап до кончиков ушей, так ещё сама по колено изгваздается.

– Пепши-и-и! – окликнула Надя, оглянувшись на стройные ряды панельных многоэтажек с яркими фасадами и догадалась, что ждать дальше не стоит.

Перед ней лежала низина, усеянная скрючившимися полубожажёнными осенними деревьями, а с возвышенности, где не так давно построили целый микрорайон, виднелись грязно-серое, в щербинах полотно реки и противоположный берег с белыми очертаниями высоток, утопающих в густом лесу. Возможно, это оптическая иллюзия: лес был такой же редкий, как и на этом берегу. Из окна Надиной квартирki на двенадцатом этаже были видны двор и стена соседнего дома. Обещанная застройщиком набережная не появилась и спустя три года, а развалины судоремонтного завода, которые обещали убрать после сдачи третьей очереди, приятным видом назвать было нельзя.

Жизненные обстоятельства вынудили Надю переехать. Перед новым этапом в своей жизни она много раз прописывала плюсы и минусы будущего жилища, в конце концов низкая цена победила другие доводы, хотя больше всего страшили, конечно, не пейзаж и дурная слава

* *Женя Ео*, новосибирская писательница.

района, а почти полуторачасовая дорога до центра города. С другой стороны, думала Надя, она фрилансер и работает на дому, значит, ездить часто не будет. Пару раз в неделю, чтобы закупиться, можно подгадать время не на часы пик.

В общем, Надя купила квартиру, а через год после новоселья взвыла и полезла на стенку, обклеенную бежевыми обоями в цветочек, от одиночества и монотонности. Так в её жизни появилась Пенелопа – золотистый ретривер, искренний друг и компаньон, в любую погоду требовавший прогулок.

Надя не роптала: в одиночку исследовать окрестности ей, честно говоря, было страшно. В новостной ленте ничего особенного не встречалось, хотя поговаривали, что несколько лет назад здесь пропадали люди, к тому же обитатели частного сектора регулярно навещали в новенький микрорайон, чтобы навести там свои порядки: сломать почтовые ящики, разрисовать стены и натворить прочих мелких пакостей, а то вдруг благополучным соседям жизнь мёдом покажется. Поэтому территорию и подъезды оборудовали видеокамерами, а весь участок обнесли решётчатым забором (вход по ключу от домофона или если кто откроет).

Залив реки, который местные и не только местные жители называли Затонем, ранее занимала судоремонтная база. Она давно уже не функционировала, производственные постройки трансформировались в руины с пустыми глазницами окон, но корабли остались: разнокалиберные, сплошь покрытые ржавчиной, без стёкол в иллюминаторах. Какие-то доживали свой век на суше, выставляя напоказ сгнившие днища с зияющими дырами, какие-то – на воде, полузатонувшие и не менее пугающие.

От сильного ветра корабли стонали и выли на разные голоса, словно живые; Надя никак не могла привыкнуть к жутким звукам и включала в наушниках музыку, чтобы не думать об их печальном зове. На собраниях жильцов она подписала не одну бумагу, взывавшую к совести строительную компанию, ведь обещали же облагородить местность, но пока ничего не менялось. Не получилось и беспшовной интеграции: микрорайон превратился в островок иной жизни с закрытой территорией, его окружали не только кладбище кораблей, но и многочисленные приземистые частные дома, а также ветхие и покосившиеся деревянные

бараки, ещё населённые теми, кто так и не смог вырваться из плотного кольца безнадёги этих краёв.

Надя старалась об этом не думать. На её уютной кухне с доски желаний красочной картинкой манила нарядная Москва, а золотистый песок Средиземноморья даже близко не походил на перемешанный с галькой ил на берегу Оби. Мир Затона существовал за гранью и Надю не интересовал: стремиться надо в будущее, прошлое лишь мешает. И сейчас, если б не Пеппи, Надя не пошла бы назад – точнее, она пошла вперёд, неловко ступая по склизкой грязи модными замшевыми ботинками.

– Пеппи! – Надя поскользнулась и угодила ногой в лужу: захлюпало и захлябало, беречь обувь не имело смысла.

Из низко нависших облаков на почерневшую от влаги землю начали спускаться мелкие крупинки снега. Тая, они не успевали долететь до поверхностей и ложились каплями дождя и на ярко-красную Надину куртку. Надя посмотрела на смарт-часы: всего три сорок пополудни, а уже темно, как вечером. Сибирь редко радовала светлыми деньками, но сейчас было по-особенному сумрачно.

Послышалось завывание – Надя ускорила и, не преодолев и десяти метров, поняла, что идти стало легче: во времена бывшего величия дорожки на территории базы отсевались гравием. Забота людей из прошлого растрогала: здесь теперь ничего нет, а гравий – есть.

Не задерживаясь у высоких и полых на просвет корпусов, Надя шагала на звук, но в какофонии порывов ветра и шлепков воды о днища кораблей не могла разобрать, откуда идёт заунывный, словно впитавший всю тоску бытия вой.

Снегодождь усиливался, его заряды колюче кусали щёки и нос, но Надя продолжала искать Пеппи, борясь с ощущением, что за ней следят. От лязганья вздрогнула и затормозила: голос подали две побуревшие от ржавчины баржи, которым суждено было встретить гибель бок о бок, потираясь бортами; их рога-лебёдки кивали в такт мерзкому звуку. Кому-то повезло меньше: лежали на земле в одиночестве, а то и вовсе распиленные надвое. Среди останков был даже кран, вскинувшийся в предсмертной судороге.

– Пеппи! – Надя прогоняла странные мысли как можно дальше. – Пеппи!

Теперь послышался уже лай, но хриплый и глухой голос не мог принадлежать молодой собаке: затаившаяся в зарослях кустарника хижина походила на будку. Заколоченные досками окна говорили, что здесь никто не живёт, а рвавшийся с цепи крупный пёс эту версию опровергал. Надя припустила и не останавливалась, пока пёс не замолк – из-за гавканья могла не заметить Пепши.

Продрогнув от ветра, Надя глубже надвинула капюшон и посмотрела вперёд: дорожка сужалась до тропинки, которая огибала губу, и вдали белело пятно ещё одного корабля. Саван пурги спускался всё ниже: небо и твердь делили реальность чётко, будто линией.

– Пепши! – негромко позвала Надя и проворчала: – Да куда же ты делась?

Идти до длинного и довольно крупного корабля было не так долго – Надя спустилась с пригорка к берегу и попыталась угадать назначение исполина при жизни, хоть и не считала себя сведущей. Не сухогруз, трюмов не видно, не речной толкач – высокий узкий нос с двумя цепями из ноздрей не для того, чтобы толкать перед собой баржи. Может быть, нефтеналивной танкер? Кажется, назывался он «Витязь», но от надписи сохранилось лишь «Витя» – наверняка такие имена кораблям не дают.

– Пепши! – Надя крикнула и удивилась вернувшемуся от стены металла эху. Или ей померещилось, что танкер качается на невидимых волнах: его пришвартовали к понтону, словно на время, словно он вот-вот отправится в новый рейс. А пока большой корабль вздыхал своими танками-лёгкими и скрежетал, прижимаясь бортом к своему последнему причалу. Когда-то танкер был белым, и облупившаяся местами краска обнажала слои, которые скрывали десятилетия истории.

Надя отвлеклась, когда ей почудились голоса. Неужели на танкере кто-то есть? Или это подвывает потерявшаяся Пепши? Узкий трап безмолвно зазывал вступить на рассохшееся посеревшее дерево. Шаткие доски прогибались и скрипели под Надиным скромным весом, влажная древесина была гладкой, без поперечин – не подняться. Но Надя справилась и забралась на понтон, потом, зацепившись за пенёк кнехта, и на нижнюю палубу танкера. Отполированный металл, потемневший

за годы хождения людей по одному и тому же пути – в других местах краска ещё сохранилась, пусть и напоминала вздыбленную кожуру.

Голоса стали отчётливее: кто-то, судя по интонации, рассказывал, а кто-то – смеялся. Собачий скулёж тоже звучал, и Надя без колебаний пошагала к крутой лестнице. Каждый шаг отдавал глубинной вибрацией всего тела. Корабль как радушный хозяин басом приветствовал гостью.

Металлическая гермодверь на этой палубе была наглухо заварена. Подумалось, что надо обойти надстройку, в районе кормы обнаружила ещё одну лестницу наверх. Взрыв хохота уже померещиться не мог. Забыв о возможной опасности, Надя начала взбираться по металлическим ступенькам.

На удивление, в рубке танкера – а именно оттуда доносились голоса – горели лампы: плоские круглые плафоны щедро делились жёлтым греющим светом. Как Надя этого не заметила с берега? Или свет включился только сейчас?

Весь мир словно раскрасился, перестал быть чёрно-белым. Матовая белая краска плотно прилегала к металлу на переборках, верхняя палуба была выкрашена серой. Во впадинах на металлических листах собирались лужицы чистой воды – ни намёка на тлен. Внутри рубки тоже царил уют: на компактном столе стояли винтажная радиостанция и неизвестные приборы, на обитом дерматином диванчике сидел парень, а дальше Наде рассмотреть не удалось.

– Эй, давай к нам! – скрипнув, дверь рубки открылась, и оттуда вместе с клубами табачного дыма вывалился мужчина лет сорока. Замызганная тельняшка и старомодные трико на нём заставили Надю застыть от изумления.

– А вы?.. – спросила она, инстинктивно пятясь.

– Для вас Константин Александрович, капитан «Витязя», – мужчина широко улыбнулся жёлтыми зубами заядлого курильщика. – Айда к нам, в козла сыграем, – парень за его спиной с треском вывалил на стол домино и начал переворачивать костяшки.

– Но я не умею... – Надя мотнула головой и отступила к лееру, открытому россыпью крупных капель.

– Так это, научим, – Константин Александрович театрально изобразил галантный жест: приглашал на танец на пышном балу. Его лицо,

обветренное и загорелое, было открытым и дружелюбным, несмотря на крючковатый нос.

– Я собаку ищу. – Наде, правда, хотелось остаться, и она потупила взгляд. На ногах капитана были обычные резиновые шлёпки. В ноябре. – Спасибо, но я лучше пойду...

Разверзшийся внутри ужас блокировал мысли, и Надя дёрнулась к ступенькам, но при стремительном спуске они превратились в стиральную доску. Слетев на вторую палубу и вывернув большой палец, Надя побежала дальше, скатилась по второй лестнице и почти добралась до понтона, как споткнулась о приваренный к палубе штырь и упала навзничь, больно стукнувшись головой.

Сколько длилось беспмятство, Надя не знала – очнулась от горячего дыхания и собачьего языка.

– Пеппи, перестань! – Надя и обнимала собаку, и отталкивала: терпеть не могла, когда ей слюнявили лицо. – Ты где была, дурочка?

Обстоятельства потери сознания проступали водяной раскраской из детства, зато подробности казались не по-детски зловещими. Прижав к себе Пеппи, Надя опасливо прислушалась, но голоса в рубке окончательно стихли, других признаков присутствия неизвестных на судне не было.

– Пойдём домой, – с трудом поднявшись на скользком металле, Надя принялась отряхиваться. – В следующий раз только на поводке. Поняла?

Радостно виляя хвостом, Пеппи, кажется, кивнула – поняла. И потрусила дальше: ей хозяйкиными страхами не проникнуться. Вслед за собакой Надя спрыгнула на причал. Метель прекратилась, напоминанием о ней служил лишь тонкий слой снега, редкие чёрные прогалины оттеняли его уязвимую белизну. Надя подошла к трапу и замерла как вкопанная: на берегу стояла одинокая фигура. Пеппи же незнакомец не смутил, и она резво спустилась на землю.

– Ваша красавица? – спросил совсем дряхлый старик, махнув рукой. Надю успокоило, что на нём была засаленная телогрейка и кирзачи: в отличие от капитана «Витязя», одевался по погоде.

– Моя, – сказала Надя, аккуратно балансируя на трапе, а Пеппи всю крутилась у старика под ногами.

– Я и подумал, что с панелек принесло, – сказал он, наклонившись, чтобы почесать собаку за ухом. – Кукла ажно охрипла от радости.

- Кукла? - Надя держала безопасную дистанцию.

- Собака, - старик поднял голову. - Сторожевая.

- А вы?..

- Пётр Макеич я, - беззубо улыбнулся он. - Сторож. Сторожу тут всё, что осталось. Во-о-он там живу.

Пётр Макеич пальцем указал на избушку-будку, где Надя видела старого пса на привязи.

- А, понятно, - Надя ответила на улыбку. - А я Надя, Пеппи убежала, я пошла искать и... - тут она не знала, что говорить, поскольку история о людях в рубке брошенного танкера сейчас и ей казалась форменной чепухой.

- Тот ещё шельмец, - понимающе и по-старчески закивал Макеич, извлёк из кармана телогрейки коробок спичек и смятую пачку сигарет, достал одну и прикурил. Будто под гипнозом Надя наблюдала за его трясущимися и неловкими пальцами и ждала, что он скажет. Думалось, обязательно должен.

- Истосковался, - наконец промолвил Макеич, выпустив струю сизого едкого дыма.

- Кто? - спросила Надя и потёрла ушибленный затылок: точно будет шишка.

- Он, - Макеич перевёл взгляд на танкер. - Двадцать лет, как Костян представился, а всё помнит...

- Танкер? - попробовала уточнить, но Макеич её не услышал.

- Но это он зря...- старик неразборчиво бормотал уже себе под нос, как в бреду: бросил недокуренную сигарету на землю и поковылял к своей хижине, словно забыл о Наде. - Ишшо походит...

- «Витязь»? - не желая оставаться наедине с таинственным судном, Надя поспешила за стариком.

- Он же, родимый, - округлил мутные глаза Макеич, фокусируясь на Наде. - Реконструируют, говорю, приписку сменят... - встретившись с её непониманием, пояснил: - Корабли тоже помирают. Но этот походит ишшо...

Надя спиной чувствовала внимательный, цепкий взгляд, но не обернулась, пока не попрощалась с Макеичем у его сторожки. С такого расстояния танкер не пугал. Точнее, ещё пугал, но больше не мог причинить вреда. Наде очень хотелось в это верить.

Дома, после мытья Пеппи и принятия горячего душа, Надя забралась с ногами на диван, взяла ноутбук и стала искать всё, что касалось Затона и загадочного танкера. Негусто. Возможно, капитаном «Витязя» и правда был Константин Александрович, но тогда никто соцсети не вёл и документы в Интернет не выкладывал. Зато легенды о пропавших в затонском лесу людях на городском форуме действительно обнаружались. И не только легенды: один из капитанов танкера умер прямо за штурвалом, а лет за десять до начала строительства микрорайона на берегу заводи нашли молодого мужчину, повесившегося на дереве.

Вполне вероятно, на скорое принятие решения повлиял не столько страх, сколько сотрясение мозга от удара при падении и больничный: буквально за месяц Надя договорилась о сдаче квартиры и от греха подалась переехать с Пеппи в другой район. А там, может, и в столицу махнёт. Чего задерживаться?

Корабли, безусловно, умирают. Хватаются за жизнь, мстят невидимым врагам, зовут новых членов экипажа. Но всё равно умирают. И люди умирают тоже.

О. ЖЕЛАМСКАЯ*

ОСОБАЯ СТЕЗЯ

Какие струны натянул Господь
В душе, что может чувствовать
стихами?

Парит она порой над облаками,
Умея притяженье побороть.

Мелодия замысловатых дум
Польётся после этих струн касанья,
Там будет всё: мечтанья и терзанья –
В чём пребывает непокорный ум.

Кто ведает созданием партитур
И не даёт покоя среди ночи?
Свиданье с Музой – хочешь иль не
хочешь –
Сплетает свои рифмы трубадур...

Поэтом быть – особая стезя,
И неизбежна дань за озаренье:
Острее и большее ощущение,
И душу в латы заковать нельзя...

* Желамская Оксана Эдуардовна, филолог, новосибирский поэт, преподаватель, редактор журналов, член Союза писателей России.

Рисунок Баум Н. Церковь Рождества Христова. Тихий вечер

ПАВШЕМУ ВОИНУ

Я не знала тебя, мы с тобой не
встречались,
Смелый воин, защитник земли и
добра,
Когда многие в хаосе дней
растерялись,
Твоя совесть, не дрогнув, на бой
позвала.

Можно долго прожить – только нечего
вспомнить
И к небесным вратам будет не с чем
прийти,
А твой подвиг святой сможет души
наполнить,
Ты великую силу сумел обрести.

Я не знала тебя, мы с тобой не
знакомы,
Но от этого боли не меньше в груди,
Верю: там, в небесах, тебя встретят,
как дома,
Чтоб по свету луча в вечный рай
увести...

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Немало пронеслось десятилетий
С той долгожданной, радостной весны.
Из книг и фильмов время лихолетий
Врывалось в жизнь средь мирной тишины.

С фронтовиками вспоминаю встречи,
На кителях – медали, ордена.
Восторженно мы слушали их речи,
Победою гордилась вся страна!

Хоть с каждым годом дальше уходили
В воспоминанья горестные дни,
Героев славный подвиг свято чтити,
Примером стали доблести они!

Под мирным небом их рождались внуки,
Судьбы единой нить не прервалась.
Презрев жестокость смерти и разлуки,
Мелодия победная лилась!

И каждый год в великий День Победы
Взмывает в небо праздничный салют.
Теперь парадом, где шагали деды,
Потомки их отважные идут.

Не верится, что выпала им доля
В кровавые сражения вступить
И встать плечом к плечу на поле боя,
Чтоб вновь, как в сорок пятом, победить!

Истории великие страницы
Не очернить и не переписать.
Должны всегда героями гордиться
И не позволить подвиг их предать!

Рисунок Шкурина Г. Солдат Отечества

СНОВА

А ты влюбись в меня снова...
Есть у меня одно слово,
Как ведьминское заклятье –
Не жалоба, не проклятье,
Хоть больно невыносимо.
Его у Бога просила
И вымолила, я знаю.
Вот слово моё: «Прощаю!»

С ним на душе не тревожно.
Так часто бывает сложно
На свет ему дать родиться,
Но как в роднике умыться
Оно всегда помогает,
И чище тот, кто прощает,
Светлее его дорога,
Яснее задумка Бога...

Ты повтори это слово
И влюбись в меня снова!

Рисунок Баум Н.

НЕ ВЕДЬМА

«Ловится ли рыбка?» – рыбака спрошу.
На лице – улыбка: «Я вам не скажу.
Сглазить ненароком сможете улов,
Вижу: темноока, пропадёт мой клёв».

«Вроде бы не ведьма», – рассмеюсь
в ответ.
Знать бы слов заветных – так не ведать
бед.
Чары б колдовские удержать смогли,
И пути иные милому легли...

Изогнулась гибко удочка в руке.
Оглянулась. Рыбка бьётся на крючке...

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Со знаками порой я не в ладах:
Так хочется давно поставить точку,
Но сердце выбивает многоточье,
Хотя уже прохлада на губах...

Поставить восклицательный в конце!
И, дверью хлопнув, в ночь уйти без спроса,
Но снова разум ставит знак вопроса,
Забыв следы печали на лице...

Любовь в кавычки стоит заключить,
Тогда всё по местам расположится,
Но втиснуться тире сюда стремится:
Поверить – это значит всё простить...

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Благовещенье! Благовещенье!
Время светлое, время вешнее.
Гавриил с небес эту весть принёс.
Ясен Девы лик. В мир придёт Христос.

Благодатная, Непорочная.
Воля Божия напророчена...
Чисты помыслы. В них смирение.
Сына Божьего ждёт рождение!

Благовещенье! Благовещенье!
Из далёких дней нам завещано
В небо птиц пустить и, как водится,
Обратить мольбу к Богородице.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воскресный день.
Светло и благодатно.
Повсюду вербы веточки пышны.
Они нежны, не вычурны.
Отрадно
Приветствовать
Явление весны.

В них доброта,
Тепло и благодарность
За солнца свет и жизни торжество.
Даруй, Господь,
Надежды лучезарность,
Храни людей.
Яви своё добро!

НАШЕ ВСЁ

К 225-й годовщине
со дня рождения А. С. Пушкина

«Он наше всё» – во фразе этой
Короткой, как удар клинка,
Итог и смысл судьбы поэта,
Что свет несёт через века.

Как не объять умом Вселенной,
Её просторов и глубин,
Так его образ неизменно
Таинственно непостижим.

Великий, признанный, воспетый –
Эпитетов бесчислен сонм.
Он никогда не канет в Лету,
Всевышней силой сбережён.

Проложен путь для поколений
К величию родной земли.
Он наше солнце, гордость, гений!
Его низвергнуть не смогли

Ни злобных языков усилья,
Ни бесноватость тёмных сил
Тех, кто от жалкого бессилья
Трусливо памятник сносил.

Как духа русского святыня
Сакральный им внушает страх.
Несокрушимая твердыня
В душе народной, на устах.

Он вечен. Чудное мгновенье
Земной обители, увы,
Недолгим было, к сожаленью:
Пал жертвой низменной молвы.

Но выше всяких пересудов
Духовности святой исток.
Он рядом с нами. Он – повсюду.
Целебный воздуха глоток.

Россия. Сердце вторит: Пушкин.
Его послание звучит
Набатом слов, что громче пушки:
«Глаголом жги сердца, пиит!»

Рисунок Шкурина Г. Красные тюльпаны

В. МИХАЛЬЦОВ*

КРЕЙСЕР «РОССИЯ»

Идёт наш корабль по высокой воде
В приливе удачи и силы,
Мы помним своих капитанов и всех,
Кто бился за славу России!

Кто был у орудий, когда за бортом
Вскипала вода от снарядов
И страшные волны вставали горбом,
Вздымая народную ярость!

Как шло наше судно под лютым свинцом,
В неравном бою обессилев,
Но души погибших сомкнулись кольцом –
Надёжным щитом над Россией!

* *Михальцов Владимир Дмитриевич*, член Союза журналистов России, капитан 2-го ранга в отставке, ветеран ВМФ России.

Г. ШКУРИН*

БРАТУ

Мой младший брат всегда мне нужен,
И трудно подобрать слова, чтоб это передать.
В молодые годы не осознавали мы:
Нет ближе и вернее человека, чем твой брат.
И так прискорбно ощущать:
Мы начинаем всё осознавать, когда теряем...
Перебирая в памяти былое, о нём могу сказать:
Он был достойной личностью Вселенной,
Он шёл наперекор судьбе,
Его активный образ жизни служит подражанию.
Он так дружил, что не было отбоя от людей,
Он шёл по матушке-земле уверенной походкой,
Он не скулил и никогда не хныкал...
Я вспоминаю каждый раз, когда берусь за дело:
Он мне бы помогал, и в этом я уверен,
И так, как он любил весь этот мир, меня,
Мы можем лишь мечтать...
И встречи наши мне не передать:
Сколько тепла и радости дарил он, обнимая!
По истеченьи многих лет
Я радуюсь, грустя, тому, что знал его такого,
И в помыслах к нему я благодарен снова,
Что он вложил в меня сии понятия мирского бытия!

* Шкурин Геннадий Павлович, новосибирский художник, полковник в отставке.

ОФИЦЕРЫ

В который раз
Мы снова собрались!
И время-бег
Не может прочитаться:
Мы разные по сути,
Но едины мы,
Ведь нас объединяет
Воинское братство!
Нам общим домом был
СССР. Стране служили мы
С достоинством и честью,
И нынешним чинушам
Нас не понять.
Хотя с трибун они глаголят,
Как поэты – песни,
А суть их – казнокрадство
И разврат,
Строительство дворцов
За счёт народа.
Они прикрылись судьбами
Российских пацанов,
Что жизни отдают
В ближайшем зарубежье.
В который раз
Мы снова собрались!
Нам нечего делить,
Мы ходим без охраны.
Мы выросли в стране
Душевной красоты,
Страна дала нам
Званье – офицеры!
Так будем славить мы
Защитников страны,
Что службою горды
В Вооружённых силах!

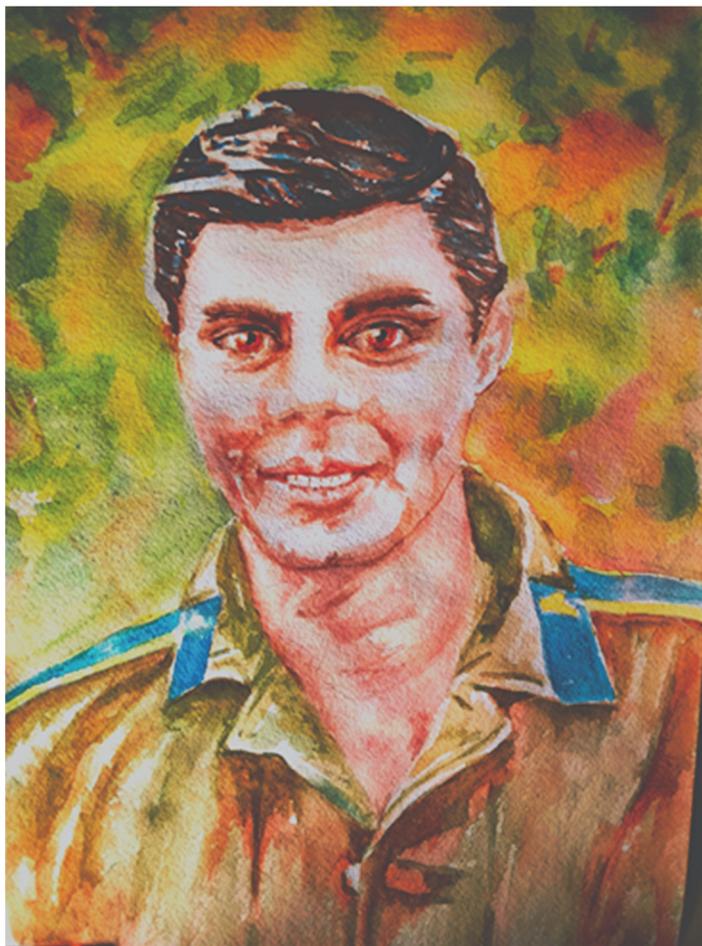

Рисунок Шкурина Г. Автопортрет

ВОТ ТАК В АФГАНЕ...

И наша очередь лететь...
Там, где душманы-террористы...
Мы покидаем свой аэродром,
А сердцем остаёмся с ними –
С любимыми, родными и братвой.
Устало загудел движок мотора,
И лопасти, тоскливо пискнув, провернулись.
Раскачиваясь с «другом»,
Мы побежали по железной полосе,
Звено ушло, поднявшись в небо...
И командир нас ободрил:
«Не вешать нос, ребята!
А экипажам – не зевать,
Ведь враг везде: в овраге, за скалою».
И с каждым мигом ближе цель.
Вот подошли. Атака, горка, пуск...
Враг поражён, и мы уходим в развороте.
А в микрофоне тишина:
Ведомый не успел – подбили.
Его настигла пуля душманского стрелка,
И он сгорел, упав на склон оврага.
Нам сердце рвёт тупая боль,
Ведь наши души связаны войной,
И нету крепче уз для друга.
Вдали мелькнула полоса,
Нас технари гурьбой встречают,
Но крик и боль души уже нам не сдержать,
И мы стираем слёзы, не скрывая.
Вот так в Афгане день за днём
Мы рубежи России защищали!

Рисунок Шкурина Г. Вертолёт

* * *

Арчибасову Олегу

Была страна, и были люди,
И в ней мальчишка рос не по годам.
Он бегал голопузым по дороге
И молоко из чашки проливал.
Шло время. Рос парнишка...
Была учёба, служба и работа,
Где закалял он мастерство своё.
Став мастером полёта в небосводе,
Он опыт молодым передавал.
Была любимая жена и дети, внуки,
Объединённые его желаньем жить.
А жизнь познал он не по книжкам –
Пройдя дорогами войны в Афгане,
Он не раскис и не канючил,
И жизни позитивный ритм давал.
Он не кичился должностями, благом,
Друзьям, коллегам руку подавал,
Был скромн, прост и милосерден,
Ничью беду чужою не считал.
Но грянул выстрел –
И жизни бег остановился.
Мы больше не обнимем мужа, папу, друга:
Олега нет на нашей матушке-земле,
И мы скорбим, окинув взглядом небо...

* * *

Бег времени – неуправляемый.
Пронесётся и детские забавы.
И юная пора осталась позади...
Всё в суете ...

Проходит день – летят года,
И времени в погоне не хватает,
Чтоб в собственную душу заглянуть.
И мы без цели мечемся по кругу,
И грустно нам, и страшно нам,
И истинного счастья мы не знаем.
И идеал, что приняли за образец, – ничто:
Все мимолётно и не вечно,
Что мы за деньги покупаем.
Душа беснуется, кричит,
А разум нас усердно убеждает,
Что ты, мол, прав...
И так проходят дни уныло.
И жизнь проходит кое-как.

* * *

Как грандиозен мир,
Окутанный снегами!
Вот лес стоит
Нагой пред нами.
Вот дождь струится с неба
Снежинками в оправе.
Кругом бело и тихо,
И только одинокий птах
Порхает между нами.
И эта тишина...
Я слышу взмах ресниц.
Он будоражит ум.
Он будоражит жизнь.

Рисунок Шкурина Г. Зимнее утро на реке Катунь

ПО ЖИЗНИ ВСЯК ИЗ НАС ХУДОЖНИК

По жизни всяк из нас художник,
И я к ним тоже примыкал,
Ведь ими быть не так уж сложно,
Лишь бы ты вкусом обладал.
Пиши стихи иль куй железо,
Горшки из глины выжигай...
Я живописцем стал недавно,
Когда, в познании живя,
Услышал зов души сакральный,
Когда я зрел вокруг себя.
Мне были милы край родимый,
Града, и горы, и леса,
И голубых озёр просторы,
И рек бурлящих белизна.
И пережитых чувств мгновенья
Решил я: буду воскрешать.
Купил бумагу, кисти, краски
И стал картины рисовать.
В них каждый штрих или мазок –
Души прекрасные порывы.
В них солнца свет и доброта
Дарят надежды на благое,
Чтоб образ мира стал наш ярче
И люди стали краше на земле!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ИНЖЕНЕРНОГО
ЛИЦЕЯ НГТУ «ЛИКУЮЩАЯ МУЗА»

Дорогин Егор

* * *

Когда наши взгляды в каком-то из переулков
Встретятся в одном из тёмных коридоров,
Я вспомню наши чудные прогулки,
Но ты не вспомнишь счастливых разговоров.

Тобой моё холодное сердечко
Разогрето до белого красна.
Тобою сделана моя прекрасная пора,
С тобою проведена прозрачная весна.

Но началась зима,
Зима, зима, зима...
Пришла пора с тобою нам прощаться,
И только мыслью о тебе
Я буду согреваться.

* * *

Твои глаза были, как спокойные воды,
Но необязательно говорить это громко.
Ты была прекрасна, как лазурные своды,
Надо сказать это тихо. И поэтому
Моё тихое слово может доноситься сквозь годы,
И ты будешь слушать его столь робко,
Что от этого станет неловко.
И как спокойно разливаются воды,
Так моё слово «люблю» будет звучать
сквозь невзгоды.

Пешков Алексей

НОЧЬ

Ночь молчит. Краса... Идеал!
Уж небо звёздами искрится,
Ведь кто-то ладить не устал
Ночное небо-озорницу.

И видит каждый это чудо,
Подвластное ему во снах.
И вдруг ударит мыслей гряда
Того, кто одолеет страх.

Он закричит и засмеётся
Визгливым смехом из груди.
И каждый тихо улыбнётся,
Увидев чудо сей ночи.

О, звёзды, звёзды! Вы так близко!
Подайте руку мне с небес!
Ведь человек всегда так низко.
Я к вам бы с радостью залез...

Прошу ответьте, тихи други,
Скажите мне хоть пару слов.
Я протянуть готов вам руки
И быть средь вас всегда готов!

РОДИНА

Они не знают красоты, Твои поля, зелёный колос,
Они понять её не могут, Твоя тайга, леса твои,
Ругают всё, как будто ты Твой непокорный бодрый голос,
Подвластна вся не только Богу. И взлёты в космос от земли.

Твоя задумчивая тишь И пусть ты будешь непонятна
Мне жизнь даёт и свет в тумане. Простейшим думам тех умов,
И я хочу признаться лишь: Я буду вечно, вероятно,
За всё тебе я благодарен. На всё ради тебя готов.

Я восхищён твоей судьбой,
От твоей силы я в восторге,
Люблю я каждый листик твой,
Любить тебя считаю долгом.

ДОЖДЬ ЛЮБВИ

Составь мне компанию быть под дождём.
Пусть дождик тоже потанцует с нами,
И мы с тобой тысячи тропок пройдем.
Хочу наслаждаться твоими глазами.

Гром тихо и слабо целит, как бальзам.
Мы в своём танце никак не уймёмся.
Гроза нипочём веселящимся нам.
Себя потеряем, потом уж найдёмся.

Промчатся часы, как будто минуты,
Мы будем промокшие долго бродить.
Как будто бы дождь стянул с меня путы,
И я под дождём научился любить.

Чубченко Варвара

ЛЖЕЦЫ

Они красивы и добры,
Они похожи на котят
До времени и до поры,
Пока в ночи не обнажат
Свои резцы
Лжецы.
Их общество как райский сад,
Но ведь никто не будет рад,
Когда в ночи возьмут щипцы
И всех нас расчленият
Лжецы.
Они танцуют с нами вальс
И обнимают нас, смеясь,
А под прикидами они
Душевные ловцы –
Лжецы.
Лжецы уродливы внутри.
Лжецы ужасны. Это факт.
И три-два-раз, и раз-два-три
Играет вальс, танцуют в такт.
Лжецы повсюду. Берегись!
Не говори, не трожь, не бей!
Нет слов чужих, нет слов твоих.

Запомни: каждый лжец – злодей,
Ты не поймаешь этих крыс,
Скрывайся от людей.

Не выходи из четырёх стен!
В них хорошо, за ними – плен.
А автор, кстати, тоже лжец.
Не слушал бы его. Конец!

* * *

Сворачивает мою месть
Антагонист в своей судьбе.
Спасибо тебе, что ты есть,
Небытие.

Я надеваю на глаза
Свой шлем из розоватых призм.
Спасибо тебе, что ты есть,
Мой эскапизм.

Мне не вернуть печалей смесь,
Не выйти за границы сна.
Спасибо тебе, что ты есть,
Моя стена.

И не достанет до меня
Душевное гниение.
Спасибо тебе, что ты есть,
Забвение.

Наша
галерея

Рисунок Чербаковой А. Декоративный натюрморт

Рисунок Чербаковой А. Декоративный натюрморт

Рисунок Чербаковой А. Декоративный натюрморт

Рисунок Чербаковой А. Декоративный натюрморт

Рисунок Васюкова О. Зимний сон

Рисунок Радостевой М. Индира

Рисунок Варфоломеевой П. Навстречу ветру

Рисунок Чемакиной С. Утка в траве

Рисунок Чемакиной С. Принцесса и Ворон

Рисунок Гончаровой В. Клоун

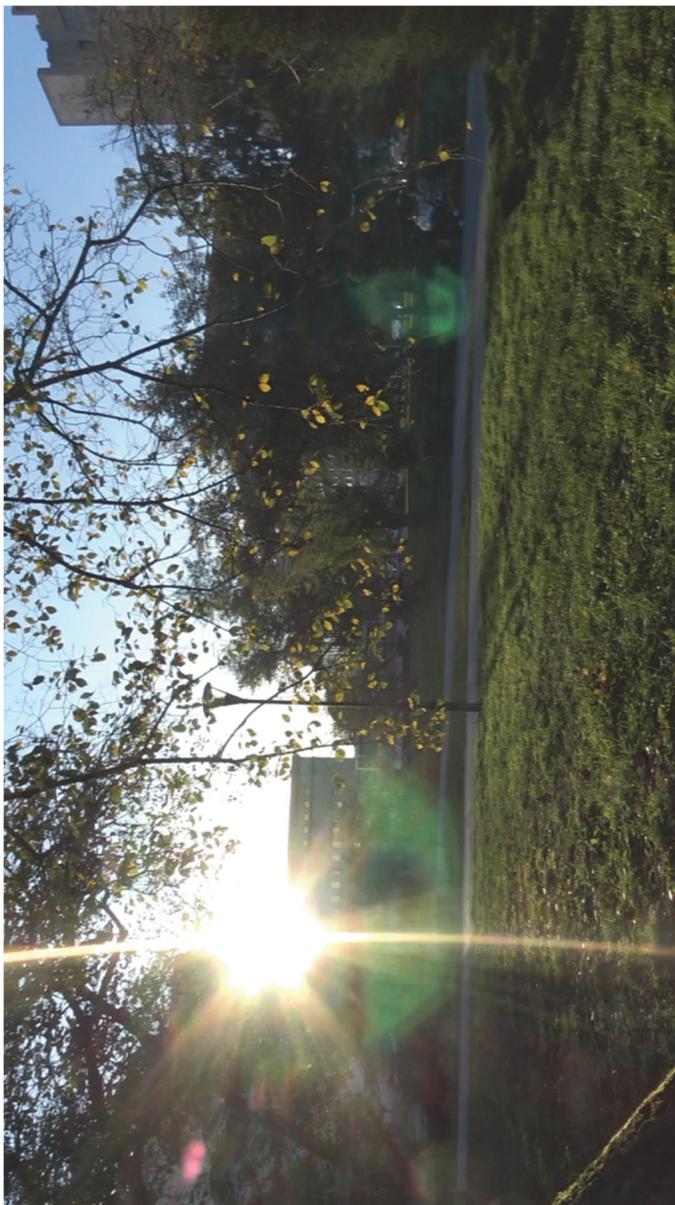
Рисунок Гончаровой В. Дерево

Рисунок Чербаковой А.

Рисунок Шерсток Д. На грани Рубикона

Фотография Черных А.

Фотография Кирчилова А.

Фотография Ельницкого В. Волшебное перо

Фотография Франка Л. Солнечный луг

Фотография Побединой М.

Фотография Побединой М.

Фотографія Дурманова М.

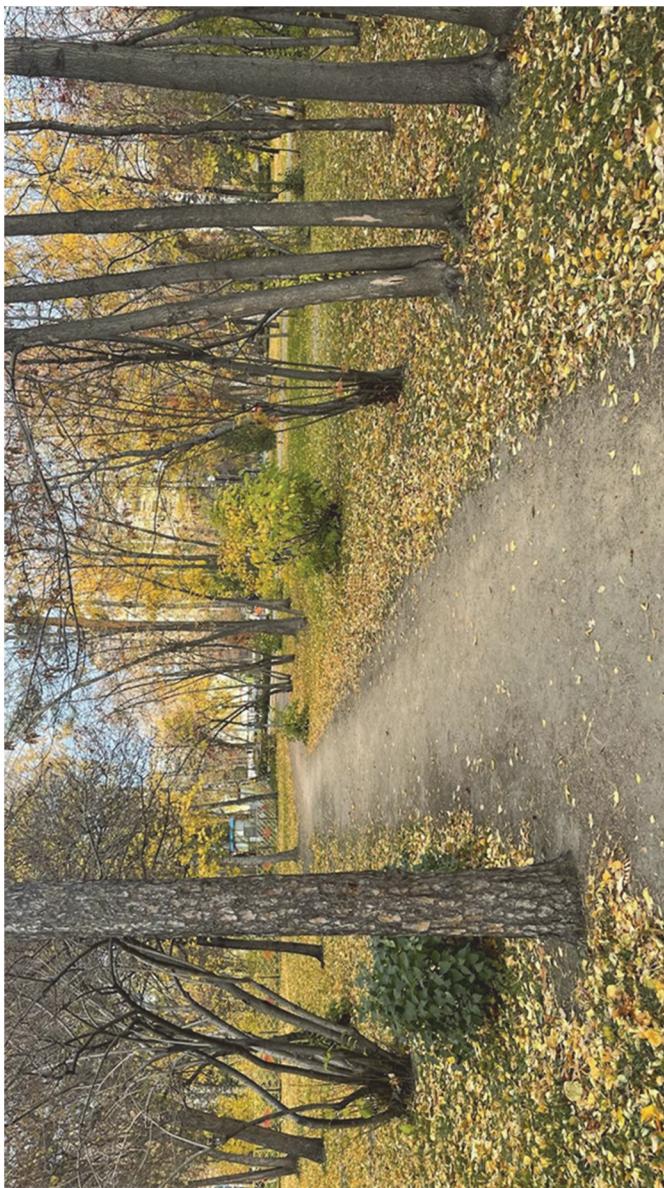
Фотография Юрк О. Врата в сказку

Фотография Юрк О. Утренний свет

Фотография Гавриловой С. До свиданья, лето

Фотография Мамонтова А. Пушкинская аллея

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Выпуск 28

Ответственный редактор Н.Д. Горшкова

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *Л.Н. Кишинт*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Л.А. Веселовская*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 02.04.2024. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 11,39. Печ. л. 12,25. Изд. № 39. Заказ № 104. Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20